

Маривонн Микель

Серия

ИСТОРИЯ
ЛЮБВИ
В ИСТОРИИ

*Королева Алиенора,
неверная жена*

История любви в истории

Микель Маривонн

**Королева Алиенора,
неверная жена**

«Этерна»

2006

Маривонн М.

Королева Алиенора, неверная жена / М. Маривонн — «Этерна», 2006 — (История любви в истории)

Весна 1152 года. Энергичная и чувственная Алиенора, богатая двадцативосьмилетняя наследница. Только что было объявлено о расторжении ее брака с Людовиком VII Французским. Непокорная супруга, Алиенора действительно когда-то, во время крестового похода, была влюблена в своего дядю. Она всегда прислушивалась только к голосу своего сердца... и на этот раз попала под обаяние обворожительного рыжеволосого юноши, который был моложе ее на десять лет, Генриха Плантагенета. Он станет ее «Ланселотом». В ее мечтах Генрих представляется вечным победителем, готовым на все, чтобы завоевать корону Англии. Королева не обманулась в своих ожиданиях, но она не подозревала, что придется слишком дорого заплатить за успехи своего короля.

© Маривонн М., 2006

© Этерна, 2006

Содержание

Введение	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	38
Глава 9	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Маривонн Микель

Королева Алиенора, неверная жена

Моим детям и внукам с огромной нежностью

Maryvonne Miquel
ALIÉNOR, LA REINE ADULTÈRE

Maryvonne Miquel. Aliénor, la reine adultère

Ouvrage publié avec l'aide du Ministère français chargé de la Culture – Centre national du livre

Издание осуществлено с помощью Министерства культуры Франции (Национального центра книги)

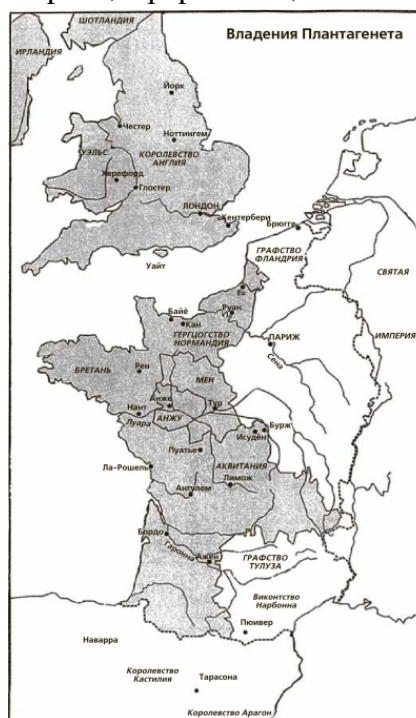
Дизайн – Александр Архутик

© Éditions Ramsay, Paris, 2006

© А. А. Бряндинская, перевод на русский язык, 2014

© Палимпсест, 2014

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2014

Введение

Расторжение брака короля Франции Людовика VII и Алиеноры Аквитанской, происшедшее в 1152 году, имело очень серьезные последствия. Задуманная Людовиком VI Толстым в 1137 году, незадолго до смерти, женитьба его пятнадцатилетнего сына на Алиеноре, богатой наследнице герцогства Аквитании, бывшей не намного моложе жениха, для французской короны казалась ниспосланной провидением. Однако очень скоро это обернулось катастрофой. Союз двух таких разных личностей не стал счастливым из-за целой череды оплошностей, политических неудач, самой серьезной из которых был Крестовый поход 1147 года. Отсутствие наследника мужского пола было последним ударом для этого очень непрочного союза.

Разочарованная Алиенора довольно скоро поняла, что подобная судьба ее не устраивает. В момент, когда начинается наше повествование, основанное на исторических фактах и событиях, о расторжении брака Людовика VII и Алиеноры только что было объявлено на соборе в Божанси, состоявшемся 21 марта 1152 года. К тому времени Алиенора влюбилась в молодого и необузданного Генриха Плантагенета, герцога Нормандии, графа Анжу. Вскоре он станет королем Англии, а она – коронованной королевой. С этого момента Алиенора считает, что держит судьбу в руках. Но так ли это?

Глава 1

Отъезд Алиеноры

Ее любимая кобыла неслась галопом, увозя всадницу – в этом она была уверена – к счастью. Погода была ни мрачной, ни хмурой, легкая пелена тумана расплзалась на горизонте. Весна еще не наступила, но чувствовалось, что она не за горами. Алиенора спешно покинула Париж. Она чувствовала, что молодость уходит, молодость, принесящая одни сожаления. Скоро ей исполнится тридцать лет, зрелый возраст для замужней женщины, преждевременно состарившейся или разочарованной в жизни. К счастью, она жизнерадостна от природы, и это побеждало все невзгоды. Она красива, будущее больше не связано с Людовиком VII. Даже если в ее глазах король и не был плохим мужем, но он терпел одну неудачу за другой, не умел себя правильно поставить и достойно царствовать. Судьба звала Алиенору к человеку, созданному как будто специально для нее, – Генриху Плантагенету.

Никогда до этого она не испытывала к мужчине такого сильного влечения. История их отношений была долгой и в то же время короткой.

Укачиваемая размеренным бегом лошади, Алиенора погрузилась в воспоминания... Годы, проведенные с Людовиком VII, которого она никогда по-настоящему не любила, не принесли счастья. Под влиянием Бернара Клервоского¹ король стал молчаливым, пристрастился к молитвам, словно бросая вызов женской половине человечества. А тем временем отношения между Алиенорой и Генрихом Плантагенетом развивались стремительно. Во время вассальной присяги Жоффруа Плантагенета, графа Анжуйского и отца Генриха, они будто почувствовали, что их должна объединить общая судьба. Между Жоффруа и Людовиком VII во время губительного Крестового похода 1147 года, в котором участвовала и Алиенора, возникли серьезные противоречия. Отчасти причиной этого были чары Алиеноры. Чтобы позлить Жоффруа Плантагенета, Людовик VII назначил сеньора Монтрёй-Беллей, вассала Жоффруа, сенешалем, что требовало от последнего преданности королю Франции. Плантагенет счел это оскорблением и осадил Монтрёй-Беллей. Крепость сопротивлялась почти целый год, затем сдалась. Сеньор Монтрёй-Беллей вместе со своей охраной был заключен в тюрьму в Сомюре. Людовику VII заблагорассудилось напасть на замок Арк, но он потерпел неудачу. Завязались переговоры. Таким образом, Плантагенеты предстали перед королем и королевой Франции – Жоффруа Плантагенет, которого Алиенора уже знала, и его старший сын Генрих. Этот девятнадцатилетний воин в полном расцвете молодости и сил привлек ее внимание настолько, что королева больше ни о ком и думать не могла.

Алиенора никогда раньше не была влюблена и не доверяла чувствам, хотя прекрасно знала, насколько нравится мужчинам. Как и ее предки, графы Пуатье, и бабушка, знаменитая Мобержон, любовница ее деда, в которой тот души не чаял, она была великой обольстительницей. В тот летний день 1151 года ей хотелось быть неотразимой. Алиенора была убеждена, что всегда будет любить только Генриха Плантагенета, бывшего моложе ее на десять лет, и больше никого. Королеву покорили обаяние этого юноши, не по возрасту зрелые черты лица, плечи и торс воина, закаленного с отроческих лет. Ей нравилось, что Генрих прекрасно образован: он мог вести беседу на латыни, что напоминало Алиеноре время, проведенное с дядюшкой Раймондом Антиохским, убитым на Востоке, и невинную девичью любовь во время Крестового похода 1147 года, в который, невзирая на серьезные опасности, ее затащил Людовик. Король бешено ревновал свою жену, видя, каким успехом та пользовалась у мужчин.

---

¹ Бернар Клервоский (1090–1153) – монах-цистерцианец, один из крупнейших политических и церковных деятелей Средневековья. Учитель Церкви, философ, богослов-мистик. – *Прим. пер.*

Генрих Плантагенет рвался вступить в схватку со всеми, кто обращался с ним не как с победителем. Он обещал прийти королеве на помощь, и они расстались.

Как только Плантагенеты отбыли, четко обрисовалась перспектива развода или, по меньшей мере, аннулирования брака между Людовиком VII и Алиенорой. Супруги отправились из Парижа в Аквитанию, но двумя отдельными кортежами. Людовик VII выглядел несчастным. Алиенора была молчалива, но горела от нетерпения. В марте архиепископы Реймса, Бордо, Санса и Руана, присоединившиеся к Людовику в Божанси, едва с ней здоровались, обвиняя в супружеской неверности. Советники короля настаивали на аннулировании брака по причине кровного родства, несмотря на то что у супружеской пары уже были две дочери.

В день принятия решения на соборе, Алиенора вскочила на свою белую кобылу и сбежала из Божанси в Блуа и от лживых прелатов, и от Людовика VII вместе с его двором. Опасаясь, как бы ее не похитили соперники супруга, с которым она расставалась, королева переоделась в одежду придворного, спрятав свои прекрасные волосы под шапку. Она скакала без устали и вскоре прибыла в Блуа, нашла там брата, графа Шампани, подозрительно назойливого, и сумела избежать первой ловушки. Потребовав, чтобы ей дали время, необходимое любой придворной даме на туалет, Алиенора поднялась в отведенные покои и почти тотчас спустилась, снова переодевшись: в последний момент королеву предупредили, что граф решил ее похитить и силой на ней жениться. Оставив свою верную кобылу в руках конюхов, чтобы обмануть бдительность Теобальда Блуаского, брата графа, она смело вскочила на гнедого жеребца, сменив шапку, и пустилась в галоп. Ее верная служанка Иона, узнала, что Жоффруа Анжуйский, младший брат Генриха Плантагенета, обуреваемый завистью, приготовил другую ловушку в Порде-Пиль. Поэтому Алиенора свернула в лес, а не остановилась в гостинице. Она спала всего три часа, заставив свиту оставаться на ногах со шпагами наготове. На заре она проснулась от холода. Наскоро умывшись, снова села в седло. До Пуатье было недалеко. К тому же королева была привычна к лесам и местному климату. Она уверенно смотрела в будущее. Рано утром на Алиенору нахлынули воспоминания. Ей предстояло поступить так же, как была вынуждена в свое время поступить Зенобия, королева Пальмиры, завоевавшая свою армию красотой и отвагой². До того дня Алиенора считала, что ее жизнь – череда ошибок и сплошных неудач. Однако в момент развода Людовик VII поступил очень благородно: хотя архиепископы и предлагали конфисковать приданое королевы, ее владения, он полностью их вернул, не догадываясь, правда, насколько это уменьшит территорию Франции. Алиенора была за это благодарна. В ее венах текла кровь герцогов Аквитанских, увлеченных любовью, боями, приключениями.

Когда солнце живописно садилось на башни города, Алиенора подъехала к Пуатье³.

Сердце молодой женщины билось, как в те времена, когда молодой девушкой она возвращалась в замок Белен или Омбриер в окрестностях Бордо, города, где родилась. Старый добрый город ждал ее. Его стены были отремонтированы в 1138 году. Под прикрытием многочисленных квадратных колоколен ряды лучников защищали город от захватчиков, прежде всего мавров, которые обещали дойти до Луары, но сначала намеревались сжечь город. Если бы на помощь не пришел Карл Мартелл со своими франками, так бы и случилось. Отец Карла Великого, Пипин Кроткий, будучи королем Аквитании, не сумел поддержать мир и создать условия

² Зенобия, или Зиновия (настоящее имя Аль-Забба), была дочерью арабского принца и правила Пальмирой с 266 по 272 г. н. э. Она гарцевала на коне во главе своего войска, и сигналом к атаке служила ее развевающаяся на ветру и сияющая на солнце рыжая шевелюра. Зенобия противостояла римлянам, затем персам, ее власть распространилась от Сирии до Египта – житницы Древнего мира – вплоть до Босфора. После смерти мужа Одената она отчеканила на монете его портрет и имя, а также имя своего сына с титулом «император». Однако в дальнейшем ее захватили в плен римские войска и провели в золотых цепях вслед за колесницей императора Гальены во время триумфа последнего в Риме. Дальнейшие сведения о ней недостоверны. – *Прим, пер.*

³ Gaston Dez. Histoire de Poitiers, Poitier, Societe des anti-quaires de l'Ouest, 199 // Mémoires de la societe des Antiquaires de l'Ouest, serie, n. 10. – *Здесь и далее прим. авт.*

для процветания страны. Жестоко бесчинствуя, норманны все сожгли, разграбили монастырские сокровища⁴ и несколько умерили свою агрессивность только после 875 года.

С XI века династия, к которой принадлежала Алиенора, занимала ведущую позицию. Гийомы и их потомки носили три титула, которыми очень гордились: графы Пуату, герцоги Аквитанские и аббаты Сент-Илер из Пуатье. У Алиеноры сильно забилося сердце, когда она заметила издали Пуатье, родной город, ворота на Восток – через Испанию – и ворота Каролингов. Будучи коренной жительницей этих краев, она любила их песни, поэзию, танцы. Она чувствовала себя отражением этого города, который громко заявлял о своей принадлежности к христианскому миру, но и не отрицал своего прошлого.

Сможет ли понять и оценить все это Генрих Плантагенет, который наверняка сделает ей предложение, как только она предупредит его о своем приезде? Но герцогиня отбросила этот вопрос, предчувствуя властный характер молодого Плантагенета, что отчасти ей даже импонировало, хотя ее личные амбиции во время супружеской жизни с Людовиком VII проявлялись довольно сильно. Ее влияние на супруга в юные годы было столь сильным, что даже вызывало беспокойство у окружения Людовика, и особенно у Бернара Клервоского. Алиенора часто принимала решения от имени супруга. Допустит ли Генрих, который моложе ее на десять лет, такое влияние?

Она снова подумала о своем бывшем муже. Надо отдать должное: в начале супружества он был в нее влюблен и исполнял все капризы. Теперь же, когда Алиенора собиралась связать свою жизнь с другим мужчиной и хотела изгнать Людовика из своего сознания и памяти, ей это не удавалось. Испытывала ли она угрызения совести? Нет, она же не была счастлива с ним, хотя Людовик делал все что мог для Пуату. Из любви к Алиеноре он отдал тамплиерам Ла-Рошели в постоянную собственность мельницы, принадлежащие ему в городе. В 1141 году утвердил акт основания аббатства в Ней-сюр-Отиз, где была похоронена мать Алиеноры. Утвердил также за настоятельницей Аньес и верующими из Сент-Мари в Сенте привилегию обмена и чеканки денег. В настоящее время гарнизоны Людовика уже отправились по направлению к столице. Заменят ли их анжуйскими гарнизонами?

Едва переступив через порог старого оружейного зала дворца, она почувствовала себя словно заново родившейся. Ее охватило желание жить, подобно трубадуру, который наконец-то отыскал секрет и смог правильно настроить свою лютню. Вечера были прохладными, в каминах развели огонь. Она поднялась в свои покои, чтобы из воинственной Алиеноры превратиться в трепетную женщину, намеревавшуюся провести вечер в одиночестве. Прежде всего надо было предупредить Генриха Плантагенета о своем возвращении. Герцогиня была бы рада провести этот вечер одна, но весь Пуатье был уже в курсе ее приезда.

После мира, заключенного между Жоффруа Плантагенетом и Людовиком VII, после почестей, отданных в честь Нормандии, нормандские бароны были позваны в Лизье к 14 сентября 1151 года. Но этот съезд не состоялся из-за внезапной кончины 7 сентября Жоффруа Плантагенета Старшего, отца Генриха. По его завещанию Генрих должен был стать графом Анжуйским, что, по мнению Генриха, было первым этапом на пути к власти. Он был намерен оставить себе Нормандию, Анжу и Мен, а младшему брату Жоффруа уступить замки Шинон, Лудён и Мирбо.

Алиенора знала, что в прошлом неоднократные попытки Матильды, супруги Жоффруа Плантагенета Старшего и матери Генриха и Жоффруа Младшего, завоевать и оставить за собой трон Англии не встречали энтузиазма. Англичане называли ее «императрицей»⁵. Уверенная в том, что молодой Генрих не оставит своих намерений относительно Англии, Алиенора была

⁴ Святая Радегонда, покровительница жителей Пуатье, и святая Валерия, покровительница жителей Лимузена, присутствовали при этих ужасных набегах.

⁵ Действительно, прежде чем стать супругой Жоффруа в 1127 г., Матильда в 1114 г. вышла замуж за императора Германии Генриха V, умершего в 1125 г.

готова сменить корону Франции на корону Англии. Она твердо верила в счастливую судьбу Генриха и ставила на карту собственную судьбу ради человека, чье будущее пока было неясно. Она была опьянена свободой, влюблена, ослеплена.

С наслаждением приняв ванну и пообедав, Алиенора надела тонкую рубашку, прямое платье, вытянулась перед огнем тлеющих поленьев. В замке еще не было трубадуров, однако ей захотелось послушать музыку. До нее дошел слух, что внизу в зале некий юноша собирался импровизировать на различных инструментах. Польщенный вниманием королевы, музыкант начал концерт. Пока ей расчесывали волосы, Алиенора слушала мелодии, погружившись в мечты о восточных караванах. Почувствовав, что хочет спать, она легла на свою уютную кровать с балдахином, абсолютно свободная, думая только о Генрихе. В полусне она почувствовала какое-то беспокойство и встала, чтобы посмотреться в зеркало. Герцогиня увидела румяное лицо, освеженное ветрами, сверкающую улыбку, чувственные губы и взгляд, полный огня – огня любви. Успокоенная, она, гордая Алиенора, словно маленькая девочка, принялась молиться и просила у Бога, чтобы тот подольше сохранил ее красоту.

Глава 2

Приезд Генриха

На заре в замке появился Генрих. Всего три часа проспал он в лесу и мчался, не останавливаясь с раннего утра, спеша застать королеву, как только она проснется, чтобы сделать предложение. Генрих умел соблюдать приличия, но сейчас он об этом не заботился. Несмотря на внешнюю респектабельность, воспитание и образование – он умел вести беседы об Овидии и Боэции, – на деле признавал только власть и силу. Вассальная присяга, которую он вместе со своим отцом принес Людовику VII, для него была пустым звуком. Генрих презирал этого короля, не сумевшего одержать победу в крестовом походе, а умевшего только молиться и делать девочек. Его властная мать, постоянно твердившая, что дело вовсе не в Плантагенетах, что это она, Матильда, передала сыну кровь Вильгельма Завоевателя, внушала ему страх. Чтобы стать достойным предков, Генрих должен всегда побеждать.

Он не выспался, из его растрепанной рыжей гривы торчала солома, но руки и ноги были тверды, а взгляд бодрым и живым. Плантагенет был счастлив, что обогнал толпы баронов, всегда окружавших Алиенору. Несмотря на утренний час, он выпил бульона в оружейном зале. Его свите был отдан приказ не двигаться с места. Не выдержав ожидания, Генрих потребовал королеву, хотя и предполагал, что та легла очень поздно. Он дал себе слово, что, если Алиенора примет его предложение, он увлечет ее в такую жизнь, где не останется места всем этим людям в дурацких колпаках, жонглерам и трубадурам, которые, по его мнению, лишь расслабляют нравы. Эти нескончаемые припевы и развлечения, которые Алиенора ввела в моду, жестоко критиковались при дворе в Париже. Игра в прятки, которая неизбежно заканчивалась в постели, поскольку мужчины всегда оставались мужчинами, – этого Генрих не терпел, считая, что, когда господин отправляется на войну, долг жены – ожидать его у домашнего очага. Он покорила бы королеву, обеспечив господство повсюду, включая и ее государства. Плантагенет находился во власти этих мыслей, когда объявили, что королеву предупредили о его приезде. Генрих пытался вычислить, сколько времени продлится ее туалет, зная, что на плетение кос, надевание рубашки и платья с рукавами или блио⁶ могут уйти часы.

Дурное предчувствие неожиданно сменилось удивлением, когда он увидел, как появилась Алиенора, одна, внизу винтовой лестницы. Волосы ее лежали на плечах, простая рубашка растегнута вверх, поверх надето платье, которое плотно облегло фигуру с королевской осанкой, такую прекрасную, что это взволновало рыцаря и он бросился к ногам любимой женщины.

– О, благородная дама, я всего лишь скромный лесник из моего леса в Анжу. Я получил ваше послание и тут же примчался, простите меня за одежду. Я так опасался за вас! Имею честь просить вашей руки. Это огромная честь, я сознаю ее значение, моя королева.

Вместо ответа, пока юноша опускался перед ней на колени, Алиенора проскользнула в его сильные руки и очутилась в жарких объятиях.

– Я с нетерпением ждала этой минуты, – шепнула она, – я стану вашей супругой, и мы соединимся здесь, как положено, вопреки всему, – продолжала она уже в полный голос, – я готова вступить с вами в союз на всю жизнь.

Обнявшись, они поднялись в покои Алиеноры, дрожа от страсти, ища друг друга и обретая, и были полны уверенности, что хотели именно этого. Их охватила любовь, и пламя, пожиравшее поленья в камине в комнате, куда они пришли, отражалось в глазах влюбленных. Генрих казался даже более зрелым, чем Алиенора, потому что мечтал об их будущем. Он будет королем Англии, а она всегда будет следовать за ним.

---

⁶ Блио – длинная туника. – *Прим. пер.*

18 мая 1152 года Алиенора Аквитанская вышла замуж за Генриха Плантагенета. Жители Пуатье затаив дыхание наблюдали в тот день в кафедральном соборе, как их Алиенора и этот мускулистый и стройный рыжий юноша обменялись обручальными кольцами⁷. На церемонии присутствовали несколько близких родственников, среди которых находился и ее дядя, Рауль де Фей. Новобрачная была одета просто, голову украшала герцогская корона. Генрих сменил свою одежду дровосека на парадное платье, на голове тоже герцогская корона. Вокруг него было несколько приближенных, самые близкие советники. Граждане Пуату не могли отделаться от некоторой тревожной подозрительности, глядя на человека, приехавшего из Анжу, графства, которое слишком часто вступало в соперничество с Пуату за соляную монополию. Они находили Плантагенета надменным, к тому же вместе с рукой герцогини он забирал весь запад Франции, чтобы объединить эти земли со своими владениями, от Дьеппа до Эндая и от Нанта до Клермон-Феррана. Некоторые вполголоса утверждали: «Французский король все потерял». Казалось, что Алиенора стремится поскорее отойти от алтаря, будто воспоминание о первом замужестве запрещало ей преклонить колено в этом священном месте. Вслед за Генрихом она поднялась в обитую роскошной тканью карету, и супружеская пара направилась прямо во дворец, где был устроен небольшой банкет для родственников. Новобрачные не отрываясь смотрели друг на друга, готовые к великому будущему.

Они провели две счастливые недели, пока жажда завоеваний вновь не охватила Генриха, и с тех пор никогда не покидала. Мать убедила сына, что, получив корону Англии, он сможет стать владыкой мира, как Карл Великий. Две недели для Генриха – это время, необходимое ему для успешной осады какого-нибудь герцогства, но для Алиеноры эти пятнадцать дней, проведенные с любимым были, без сомнения, самыми счастливыми в жизни. Любой зевака мог встретить супругов, когда они на лошадях, а иногда и пешком, гуляли по городу и запросто общались с жителями. Генрих был поражен числом прелатов, которые просили приема у герцогини, и она их принимала. Собор Св. Илария – Сент-Илер соперничал с собором Св. Марциала в Лиможе, оба находились на пути в Сантьяго-да-Компостела, что и объясняло такой расцвет церквей в городках.

Генрих, который послушно сопровождал Алиенору, любил замешаться в толпе, удивляясь тому, что там можно было встретить иностранцев – венецианцев и фламандцев, выделявшихся своими пестрыми нарядами. Порой их одежда поражала своей роскошью. Ему объяснили, что это купцы, обосновавшиеся в городе с весенней ярмарки. Прекрасный виноградник внутри городских стен отделял старый рынок от нового. На узких шумных улочках поднимались клубы благовоний – эту моду крестоносцы привезли с Востока.

Алиенора хотелось понять, почему вид кузнецов так поднимал настроение Генриха. Тот рассказал о своем детстве. Он вырос при бристольтском дворе у мэтра Мэтью, сурового мужчины, канцлера королевы Матильды, который приказывал сечь его розгами. Плантагенет получил образование более полное, чем Людовик. Он читал и понимал по латыни, умел декламировать стихи, но, кроме того, получил суровое воспитание воина. В 16 лет, весной 1149 года, он принял участие в военном походе, чтобы вернуть матери английский трон, отнятый у нее Стефаном Блуаским. Дядя матери, король Шотландии Давид, их союзник, был отличным фехтовальщиком и научил его обращению со шпагой и посвятил в рыцари. В ответ на это Стефан посвятил в рыцари своего сына Эсташа. Соперничество продолжалось...

– Я сумею вернуть Англию, моя милая. Я лишь на время покинул страну и этого старого маразматика Стефана. Отец сделал меня герцогом Нормандским. Кто говорит «Нормандия», тот говорит «Англия». Однако моя мать не сумела оценить достоинства своего супруга.

– Я всегда буду рядом с вами.

---

⁷ Собор Св. Петра в Пуатье будет перестроен по приказу Алиеноры и Генриха, в результате чего в нем появится часовня и витраж, на котором изображены герцог и герцогиня в качестве дарителей.

– Я не требую, чтобы эти красивые ручки держали оружие, но мне всегда будет приятно защищать честь моей дамы.

Наконец-то она сможет обеспечить процветание своего домена и увидит, как развеваются знамена Пуату повсюду, где будет проезжать... Если немного повезет, она станет королевой Англии... Людовика останется только Иль-де-Франс и северная часть Берри. Предавая французского короля, Алиенора также предала и королевство и сознавала это, но столь долгой была ее печаль в этом королевстве, что она не сожалела, покинув его. Ей хотелось все забыть.

Интерес, который представлял «минаж»⁸ соли и соляные копи Пуатье, вызвал зависть у Генриха, когда он их увидел: это был самый надежный источник доходов Пуату. Из-за соляных копей долго спорили герцоги Аквитании с графами Анжу. Если и звучало в голове Генриха имя какого-нибудь барона, то это было имя барона Онис, владельца Шателайон, хозяина острова Ре. Его замки Шателайон и Пело были тоже окружены болотами, точно так же, как остров Гластенбери в кельтской легенде⁹. Генрих мечтал о том, что в качестве будущего герцога Аквитанского ему было бы выгодно реконструировать порт Ла-Рошель, чтобы лишить наследников Шателайона превосходства в добыче соли. Важность задуманного усиливалась еще и тем, что Ла-Рошель торговала с Англией. Поделится ли он этими мыслями со своей дамой? Безусловно нет, потому что в любом случае доходы за соль попадут в его кошель, поскольку отныне Анжу и Пуату в глазах Генриха было единым целым, благодаря женитьбе на Алиеноре Аквитанской.

В данную минуту Генрих согласился на большие уступки Алиеноре, что было совсем не в его характере. Она же была по уши влюблена. Однако внутренний голос подсказывал ей принять насчет Пуату несколько решений и советоваться при этом только с пуатьерскими баронами, которым могла доверять. Епископ Пуатье оказал ей неоценимую помощь. Опытный прелат тут же разгадал угрозу, которую Генрих Плантагенет мог представлять для королевы и герцогства. Она-то, конечно, ничего не видела, вся поглощенная любовью, которая ей казалась взаимной.

Теперь Генрих мечтал съездить в Лимузен. Заядлый охотник, он был неутомим в седле. К счастью, Алиенора была наездницей неслыханной выносливости. Поэтому они вместе скакали по гористой части нижнего Лимузена поблизости от аббатства Тюля. Доведя своих лошадей почти до изнеможения, они снова пустились в путь, так как Генрих всегда спешил. Однако Алиенора попросила дать передышку, чтобы передохнуть в лесу. Он согласился. Это был каштановый лес, которым Генрих восхищался. Он ценил это дерево не только за красоту, статный ствол и кружевную крону, но и за то, что каштаны были источником немалых доходов и жизненно важным продуктом для местных жителей, которые зимой питались преимущественно каштановым супом. В это время года каштанов еще не было, поэтому хозяева дома, куда зашли высокие гости, могли предложить им только омлет с кусочками сала, который гости съели с большим аппетитом. Их эскорт заглянул в соседние хижины, и вся деревня была щедро вознаграждена. Кстати, от супруга Алиенора узнала, что в Англии санкции, предусмотренные для браконьеров, расхитителей дров или дичи, были просто ужасными.

– Например, – рассказывал Генрих, – тому, кого поймают за кражу дичи, отрубают руку. Лес священен, а правосудие в Англии образцовое. Если когда-нибудь я стану королем Англии, то ратифицирую «лесной суд присяжных» и заставлю применять наказание. Уж поверьте мне.

Алиенору это привело в недоумение. Неужели Англия, о которой она так мечтала, столь ужасна?

– Да уж что там, – ответил Генрих, – у вас своих лесорубов и еретиков хватает.

---

⁸ Речь идет об отмеривании соли на складах или рынках. – *Прим. авт.* Минаж – от древней единицы измерения сыпучих тел, равной 78 л. – *Прим. пер.*

⁹ Шателайон служил предметом долгой борьбы между его хозяином и герцогом Аквитанским, дедом Алиеноры, в момент, когда Генрих и Алиенора поженились. Но вскоре этот порт был вытеснен портом Ла-Рошель.

Генрих уважал любой труд и ненавидел лень. Для того чтобы страна хорошо жила, ее население должно быть активным и никогда не проявлять инертности.

– Вы мне нравитесь, Генрих, потому что вам по душе простая жизнь, – сказала Алиенора. – Наши прекрасные виконты де Комборн, де Вантадур, де Тюренн, наши владельцы замка де Помпадур, де Сегюр, де Ноай едва ли обращают внимание на этих отважных простых людей. У нас любят яркие цвета, и, если мельник благосклонно относится к деревне и ее окрестностям, деревенские женщины и девушки не стесняются попросить у него в подарок полосатые пояса, украшенные серебром. Конечно, они очень рискуют: мужья могут их побить, если обнаружат подарки. Поэтому свое приданое они прячут на сеновале.

И снова Генрих сажает жену в свое седло, однако некоторое сомнение закрадывается в его душу.

– Все эти простаки, на общение с которыми мы потратили столько времени, исправно ли они платят аренду?

– Об этом надо спросить у нашего прево, у вигье¹⁰. Наши крестьяне платят – как и у вас – десятины, оброки, барщины, которые время от времени выкупают, кроме того, имеются наши собственные налоги. В каждом хозяйстве есть улей, и крестьяне обязаны давать либо мед, либо воск для освещения. Нам не хватает света от очагов. Но мы не можем конкурировать с вашим налогом, который называем «винада» и который у вас, несомненно, имеется в Анжу. Винада... Красивое название. Аббатство Болье привело все в порядок, ухаживало за виноградниками, которые существовали еще во времена римлян. Видите, насколько этот налог стар...

– Чтобы защитить Пуату, Анжу, Нормандию, а может быть, скоро и Англию, единственный выход – война! И победа в этой войне для нас столь же ценна, как соль ваших копей. Значит, ее нужно приближать.

– Женщины предпочитают мир, монсеньор, это их самое заветное желание.

– Я буду защищать ваше герцогство, но не так, как это понимают при любовном уходе. Вассал вашего сердца, я господин в своем королевстве.

Они проезжали мимо болота, в котором на исходе дня зажигались блуждающие огоньки, перескакивающие с травинки на травинку и внезапно вспыхивающие там, где их никто не ожидал, и так же неожиданно гаснущие, когда, казалось, они были совсем близко!

– У вас много знакомых музыкантов, которые преклоняются перед вами. Я же в их кошачьих концертах не нуждаюсь.

Поздно ночью, верхом на одной лошади, доведенной до изнеможения, супруги возвратились в замок, где в покои Алиеноры им подали обильный, восстанавливающий силы ужин.

---

¹⁰ Прево – земский судья, вигье – название прево на юге Франции. – *Прим. пер.*

Глава 3

Рождение Гийома

В первую очередь рождение сына Алиеноры касалось его отца, Генриха, который в это время находился в Англии. О рождении собственного наследника он узнал почти одновременно с новостью о смерти Эсташа, наследника короля Стефана. Понятна радость двадцатилетнего отца, но кончина претендента на трон Англии порадовала его вдвойне.

– Теперь у меня есть сын, – объявил он своему казначею Гарену. – Я смогу передать ему корону.

– Монсеньор, безусловно, вы правы, но еще остается отец Эсташа.

– Я даю ему три месяца. Ты видел, в каком состоянии находится Англия? Я прикажу заковать в кандалы всех наемников предателя, которые досаждали простым людям, грабили и разоряли мои леса. Я добьюсь одобрения Церкви, пообещав восстановить мир, и успокою архиепископа Теобальда. У меня есть перечень полутора тысяч замков, которые я заставлю сжечь, чтобы показать их владельцам-изменникам, кто здесь хозяин. Во Французском королевстве этот несчастный Людовик зависит от любого из своих вассалов. Его супруга свалилась мне прямо в руки. В старых королевствах подобных королей не уважают. Мой прадед не считался ни с какими препятствиями для выполнения своей воли, и он был прав. Как ты думаешь, стали бы называть его Завоевателем просто так? Мы вернемся к старым добрым английским традициям. Я применю нормандский закон: сорок дней в году рыцари, число которых установлю сам, будут предоставлены мне баронами, и надо проследить, чтобы они соблюдали срок службы. Мне одному будет принадлежать право чеканить монету, как это делал герцог Нормандский, а суд будут творить мои судьи, а не бароны. Я постараюсь примирить правосудие с Церковью. Архиепископу Теобальду не придется жаловаться на меня, если он поможет мне быстро завоевать корону. Но потом прелаты будут слушаться меня, потому что я устрою так, что назначать их буду сам.

– А как же Папа, монсеньор?

– Тебе хорошо известно, – сказал Генрих, что англичане не любят пап. Если папы не устраивают их, англичане заставляют избирать других. Однако папы являются могучими союзниками, которых надо вознаградить, если они будут ходить по струнке.

– Монсеньор, всемогущая Церковь может не только возвести вас на трон, но и свергнуть.

– Если нужно вывести Англию из состояния разбоя, в которое она погружена, я стану правой рукой Церкви с хорошим канцлером и хорошим архиепископом.

А в это время Алиенора мирно проводила свои дни в Пуатье. Плантагенет решил, что она может также жить и в Анжу или Руане. Как только он получит уверенность в том, что ему достанется английский трон, супруга соберет вещи, чтобы присоединиться к нему. Алиенора пользовалась благословенными днями, радовалась рождению сына, и это делало ее счастливой. Гийом, будущий граф Пуатье, прекрасно развивался и понемногу подрастал.

Она присвоила ему титул герцога Аквитанского, пытаясь таким образом развеять мечты Людовика об Аквитании, которую сначала предназначала для дочерей. Малышки последний раз видели мать, когда она, покинув короля, обещала как-нибудь их навестить. Согласно обычаю, маленьких девочек выдавали замуж почти с колыбели, и они часто покидали семейный кров в самом раннем возрасте, отправляясь в семью будущего мужа, где их воспитывали до тех пор, пока они не достигали возраста, когда можно было выйти замуж. Алиенора была беско-

нечно благодарна Генриху за то, что он дал ей мальчика, который уничтожил преследовавшее ее проклятие¹¹.

Богу было угодно, чтобы Людовик VII успокоился и, следуя совету Бернара Клервоского, выбрал в супруги очень религиозную христианку.

В своем герцогстве Алиенора окружила себя трубадурами, заставляя их петь гимны любви.

Почему любовь считают грехом? На суровость Церкви надо было ответить подобающим языком, языком любви, лишенной пороков, которые ей приписывали. Именно с этим намерением во время вечерних посиделок герцогиня приглашала лютнистов и флейтистов. Сидя у ее ног, они вели разговоры о музыке. Велись также и беседы на исторические темы. Пуатье должен стать спасительным прибежищем для всех, кто почитает любовь. Для тех, кто свободно выражает свои мысли в поэтической форме стихами «кансон», в то время как весна возрождает в полях фарандолы влюбленных.

Переезжая из замка в замок, Алиенора всюду представляет своего сына, но уже начинает чувствовать, что ей не хватает силы и страстных ласк Плантагенета. Она знает, что муж скрупулезно выполняет все, что наметил для завоевания Англии: он сосредоточил внимание всех властей на своей персоне, роль высокопоставленных чиновников будет сведена к его аппарату, даже самые близкие доверенные люди смогут только слепо повиноваться ему. И все же герцогиня надеется, что муж предоставит ей часть своей власти, когда отправится в какой-нибудь военный поход. Она опасалась только влияния на него матери. Матильда построила свою жизнь так, чтобы увенчать Генриха короной Англии. Он захочет подмять под себя Пуату. На этом кончается доверие Алиеноры. Конечно, она нуждалась в нем, чтобы усмирить семьи Тюреннов, Лузиньянов, Комборнов, которые всегда создавали смуту, а также Туаров, но она опасалась, как бы Генрих не пробудил старые кровавые конфликты.

Однако в данный момент все это ее не волнует, и она полностью предается радостям материнства, восхвалениям, которые ей изящно посвящает Бернарт де Вентадорн, молодой красавчик-трубадур, чей поэтический талант совершенствовался в путешествиях, пока не достиг замка Алиеноры в Пуатье. Его лютня столь же нежна, как и его взгляд, потому что он воспекает совсем простую радость жизни и желание любви. Генрих ревнует к нему, несмотря на все заверения, которые Алиенора дает мужу через своих посланников. Плантагенету поют дифирамбы и мечтают о том, как приготовят к его коронации, если она действительно произойдет, большой жест¹², который поведаст о заслугах Генриха и величии его предков. Поэма не затрагивает ничего нового, но говорит о том, что уже называют «темой»¹³ Бретани, и Плантагенет это знает.

С начала XII века между портами Бордо, Ла-Рошель и Англией существовали оживленные торговые отношения. В поисках соли в них заходили корабли в расширенные устья рек Луары и Жиронды, и моряки передавали устные истории бардов и подвиги всех королей и графов, которые когда-либо правили Бретанью¹⁴.

Генрих должен стать героем легенды и воином и не вызывать к себе ненависти. Однако этот парадокс ее не встревожил. Но как отыскать след доброго короля Артура? Ходили слухи, что после его смерти солдаты спрятали тело в дупле столетнего дуба, чтобы останки не достались врагам¹⁵.

---

¹¹ В первом браке у Алиеноры Аквитанской рождались только девочки.

¹² Жест – средневековая эпическая поэма. – *Прим. пер.*

¹³ Исторические и мифологические рассказы о Великобритании и Бретани.

¹⁴ *Томас Английский*. Роман о Тристане, с. 851–853; процитирован у *Amaury Chauou*. *L'idéologie Plantagenêt. Royauté arthurienne et monarchie politique dans l'espace Plantagenêt (XII–XIII siècle)*, Rennes, Presse universitaires de rennes, 2001, p. 103, n. 94), где упоминается о том, что рассказчик Брери (Блеери) производил впечатление «человека, посещавшего двор в Пуатье Гийома X Аквитанского во время детства его дочери Алиеноры».

¹⁵ История королей Британии Гальфрида Монмутского, оксфордского каноника. Это произведение легло в основу стихо-

За четыре месяца Генрих подготовил Англию к своей коронации. Рождение Вильгельма (Гийома) его ободряет, победа кажется близкой. Он высадился в Англии во главе небольшой армии в тот момент, когда последователи Стефана осаждали замок Уолингфорд, хозяин которого поддерживал королеву Матильду. Генрих решает стать союзником осажденных. Он осмеливается осадить дворец епископа Солсберийского. Тем временем из-за сильных дождей Темза вышла из берегов, и вражеское войско отступило. Генрих осадил замок Кроумарш. Фламандские наемники, которых оплачивал Стефан, увидев стратегический талант и военное могущество Генриха, не захотели более рисковать жизнью и защищать Стефана. Сразу же встал вопрос о перемирии. Теобальд Бекский, архиепископ Кентерберийский, был одним из первых, кто посоветовал Стефану не вызывать гнева Генриха. К нему присоединился епископ Винчестерский¹⁶, брат Стефана Блуаского, который не желал видеть Эсташа, никуда не годного и опасного сына Стефана, на троне Англии. Эсташ заболел и умер, чего Генрих совсем не ожидал. Это событие произошло как раз накануне рождения его сына Вильгельма.

Не в состоянии остановиться в своих намерениях, Плантагенет один за другим завоевал замки – Стамфордский, Ноттингемский, Редингский, Барнуэлльский, Уорвикский – и добился покорности одного из самых могущественных баронов Англии, графа Лестерского. Алиенора могла приказать своим поэтам уже начинать оттачивать рифмы в поэмах, посвященных герою дня. Генрих Плантагенет из Нормандской династии, без сомнения, будет королем сильным, твердым и диким. Мир, о котором мечтала бедная Англия, был подписан 6 ноября 1153 года в Уоллингфорде. Архиепископ Кентерберийский не ошибся в своем выборе. Правление королевством было доверено Генриху Плантагенету, которого в результате переговоров назвали наследником Стефана. Договор был ратифицирован на ассамблее баронов в Винчестере и объединил Стефана и Генриха в Лондоне, и ликующая толпа встретила их рукоплесканиями¹⁷.

В середине января Генрих принял присягу верности крупнейших баронов и по этому случаю объявил о двух проектах, которые наметил: реформе денежной системы и составлении списка из полутора тысяч замков, подлежащих разрушению¹⁸. При этом самой срочной мерой оставалось выдворение фламандских наемников, нанесших огромный ущерб стране, среди которых были такие, как Вильгельм Ипрский, завладевший значительными земельными наделами. Повсюду Генрих действует как освободитель. После взятия и разрушения Кроумарша он призвал к порядку таких людей, как Вильгельм де Керси, Ричард де Люсе, Вильгельм Мартел, заставив вернуть добычу, отнятую у населения. Вскоре была объявлена амнистия. Генрих призывает в свое окружение, несомненно, чтобы лучше за ними следить, своих прежних преследователей, чем приводит Гарена, казначея, в необыкновенную ярость.

Вскоре Генрих садится на корабль, чтобы увидеть сына, но этот старый лис, король Франции, всегда готовый укусить, требует испросить его согласия на это. Людовик, как всегда, нуждался в деньгах. Генрих выкупил свою вассальную зависимость, вернул себе замки Вернон и Нефмарше.

Гораздо больше его беспокоила Аквитания. Во время женитьбы на герцогине Генриху довольно ясно дали понять, что он не является герцогом Аквитанским. Кроме баронов Онис и Сантонж и города Ла-Рошель, которые были преданы, благодаря обещанию увеличить торговлю с Англией, он чувствовал по отношению к себе сильную враждебность. Бароны не одобряли, что одна из их женщин вышла замуж за этого баронета Анжуйского. Но Алиенора любила Генриха, и в будущем Плантагенет рассчитывал доказать, что она даст ему хорошую династию. Его сын уже носит титул герцога, что усиливает позицию Алиеноры по отношению к первому

творного «Романа о Бруте» (ок. 1155 г.) нормандского поэта Васа.

¹⁶ Тот же самый человек, который в качестве председателя совета предал своего брата и перешел на сторону Матильды, матери Генриха.

¹⁷ Жак Бюссар. Правление Генриха II Плантагенета. Париж, Даржанс, 1956. С. 23–24.

¹⁸ Там же. С. 399.

мужу и баронам соседних областей. Генрих считал уместным по совету своей матери, королевы Мод (Матильды), привезти Алиенору в Нормандию, чтобы ее там приняли. В конце марта он встретился со своей сияющей супругой, увидел сына Вильгельма и взял в свои руки герцогства, которые его отец Жоффруа был вынужден отдать, когда искал союзников против Стефана. Затем вместе с Алиенорой Генрих совершает ознакомительную поездку по Аквитании.

Супруга находит его повзрослевшим и удовлетворенным. Она мысленно хвалит себя за веселый вид и смелый взгляд мужа. Генрих снова обретает над ней полную власть, и для него не остается сомнения: жена и герцогство неразделимы. Он хочет быть хозяином всего этого. Алиенора успокаивает мужа:

– Владельцы замков, которые стоят на страже нашего герцогства, вассалы моей семьи, верные жители Пуату из нашего окружения – все готовы вам служить. Многочисленные бароны, особенно из Гаскони, вас приняли. Наши извечные враги Туары и графы Ангулемские никогда не могли вынести возвышение графов из династии Пуатье.

– Я ими займусь. Теперь я знаю этих наследственных врагов Пуату...

Глава 4

Коронация

Холодным ранним утром начала ноября, когда Генрих и Алиенора находились в Нормандии, в замок в Руане приехали гонцы. Тут же проснувшись, Генрих понял, что послание прибыло из Англии, и догадался, что оно очень важное. Развернув свиток, Плантагенет узнал о том, чего так долго ждал: пришла весть о назначении его королем Англии. Он сразу же подумал о матери, посвятившей этой цели всю свою жизнь. Справедливое вознаграждение судьбы. Генрих взглянул на спящую супругу, которая снова была беременна. Он разбудил ее, даже несколько грубо.

Новость пришла в тот момент, когда Плантагенет разрешил спорный вопрос с королем Франции, вернув себе крепости Вернон и Нефмарше за две тысячи марок, – поступок, о котором воздержался сообщить Алиеноре. Он принес присягу Людовику VII за герцогство Нормандское в августе 1154 года и чувствовал, что у него развязаны руки. Может быть, Алиенора нашла бы скандальным то, что он считал долгом своей чести ладить, по крайней мере для видимости, с ее бывшим мужем, так как согласился присоединиться к королевскому войску, собранному Людовиком для замирения Вексена.

Плантагенет посылает гонцов к своим братьям Гийому и Жоффруа и просит их срочно вернуться в Барфлёр с войсками. Алиенора приказывает готовить дорожные сундуки. Генрих наденет знаменитый королевский плащ с горностаевой опушкой. Она видит себя увенчанной английской королевской короной, усыпанной драгоценными камнями, вес которых заставлял сгибаться некоторых хилых английских королей. По ту сторону Ла-Манша лучше не быть слабой. Там ожидают сильных женщин, способных заставить себя бояться.

Генрих мобилизовал в Барфлёре всю нормандскую знать, чтобы она сопровождала его в Лондон, на случай, если в последний момент возникнут какие-нибудь осложнения. Со времени Винчестерского договора Нормандия стала центром англо-нормандского государства и сердцем нового королевства Плантагенета. Нормандские бароны занимают привилегированное положение в Англии, например семейство Мандевиллей, служившее арбитром в конфликте между Стефаном и Матильдой. Тот, кого Генрих ожидает с нетерпением, это епископ Байё, Филипп д'Аркур, самый значительный из баронов дю Бессен. Более сговорчивые по отношению к Генриху, чем бароны из Пуатье, длинноволосые нормандцы отвечают «Здесь!» на призыв короля Англии, и на дорогах, тянувшихся вдоль берегов, от О до Котантена, с заходом в Канн, можно было видеть знатных рыцарей в доспехах и прекрасной экипировке, направляющихся в Барфлёр.

Генрих ждет их здесь, словно коронация должна происходить именно в этих местах, столь многочисленной была собравшаяся толпа. Он спешит погрузиться на корабли, которые в прежние времена возили его предка Великого Вильгельма! Лишь доспехи изменились, а дух завоевания остался прежним. Генрих, чувствуя себя здесь в своей тарелке больше, чем в Пуатье, ведет как королевская персона, в которую он скоро превратится. Он у себя дома, а Алиенора, как только ступила на нормандскую землю, перешла от сюзерена в положение вассала. Тем не менее Генрих держится рядом, рассказывает ей о лесах и замке Бонневиль-сюр-Тук, где Вильгельм Завоеватель принял присягу Гарольда¹⁹. В районе Донфрон ему принадлежат леса Теншебрей, богатые местными легендами, и песчаные равнины, где растет раkitник с золоти-

---

¹⁹ Согласно Гийому де Пуатье, который был капелланом герцога Вильгельма (Гийома), Гарольд был принят Вильгельмом Завоевателем в замке Бонневиль-сюр-Тук, где принес ему присягу верности. *Ср.: Гийом де Пуатье. История Вильгельма Завоевателя. Изд. Раймонда Фореля, Париж, Ле Белль Леттр, 1952. С. 103–105; приведено в [книге] Ж. Буссар. Правление Генриха II Плантагенета, цит. Пр... с. 85, прим. 2.*

стыми цветами, которые его отец и дед носили на своих шляпах²⁰, и еще более богатые леса, где росли особые виды дубов с толстой корой. Огромные деревья в день прибытия Генриха в Барфлёр очень сильно раскачивались от морских ветров, предвестников зимних штормов.

Холодно. Крестьяне в полях натягивают свои капюшоны, плотнее запахивают старые овечьи шкуры, вывернутые наизнанку, которые служат им жилетами. Генрих, в своем длинном плаще, держит военный совет. Он ведет разговор с епископом Байё о распоряжениях, которые нужно выполнить для коронации, о своем желании успокоить раздоры. Епископ уверяет его, что английский народ мечтает только о мире и он станет его гарантом. Бароны спрашивают друг друга: можно ли этому верить? Сеньоры из Лонгвилля и Арка, главные вассалы герцога на побережье, склоняются перед прелатом. Графы д'О – одни из самых могущественных англо-нормандских сеньоров, всем своим видом показывают, какие они важные и богатые.

Симон д'Эвре, знакомый с Алиенорой, как и многие другие сеньоры, по походам, ведет с ней беседу. Его земли находятся на границе Нормандии, в сфере влияния французского короля. Генрих, которому хочется узнать содержание этой беседы, направляет графа Роберта Лестерского, владеющего одним из самых крупных англонормандских поместий – Бретей. Формально граф должен справиться о здоровье Алиеноры, потому что благородные бароны беспокоятся о своей королеве и младенце Гийоме. На самом деле Генрих уже завидует ее новой власти. Порывы ветра бьют Алиенору в лицо, ей неуютно, к тому же она неважно себя чувствует, поскольку снова беременна.

Воспоминание, не очень давнее, о кораблекрушении «Белого корабля» в 1120 году в этом море, которое поглотило цвет англо-нормандской молодежи, все еще живо в ее памяти. Не будь этого кораблекрушения, Матильда, мать Генриха, не была бы призвана править Англией: ее брат, сын Генриха Боклерка Гийом Аделей, должен был стать его преемником, но погиб при кораблекрушении.

Надо было бы бросить вызов стихии, но вот уже неделю бушующие волны ревели, как дикие быки. Генрихом овладела бешеная ярость. Наконец, 7 декабря, стихия немного утихла. Ветер дул в сторону Англии. Тогда корабль поднял якорь, и после беспокойного переезда герцог со свитой высадился 8 декабря в Саутгемптоне. Новую королеву Англии встретили холод и туман, но она тут же забыла неудобства путешествия, предчувствуя радость знакомства со своим королевством. Прошло всего лишь мгновение, и интуиция подсказала ей, что пасмурная погода, как она знала из своего опыта прибытия в Париж для первого замужества, является плохим предзнаменованием, но прогнала эту мысль при виде ликующей толпы, которая ожидала королевскую пару в порту.

Она смотрит, как Генрих с развевающейся гривой рыжих волос твердым шагом спускается по сходням – глаза блестят, изящные руки протянуты навстречу тем, кто его приветствует. Может быть, Англия возродится? Короля и королеву эскорт сопровождает до Лондона, отовсюду несутся приветствия и песни. Генрих не говорит на англо-нормандском, еще непризнанном языке. Он больше привык к латыни и даже, как вся высшая знать, к окситанскому языку, но к нему приходит воспоминание о языке его детства, и на приветствия он отвечает восклицаниями «Thanks! Holy Christmas!»²¹.

Первая церемония происходит в Винчестере, где сохранились остатки королевской казны, которой царствование Стефана нанесло большой ущерб. А 19 декабря в большом аббатстве Вестминстер происходит коронация Генриха и Алиеноры. Они приближаются к алтарю. Мантия короля, изготовленная из экарлата²², окаймлена горностаем, мантия королевы, сши-

²⁰ Имя «Плантагенет» происходит от латинского названия ракитника: *Planta genista*, ветку которого любил носить на шляпе Жоффруа Анжуйский. – *Прим. пер.*

²¹ Благодарю! Со Святым Рождеством! (*англ.*).

²² Экарлат в XII в. представлял собой разновидность роскошной ткани, окрашивание которой производилось краской, полученной из маленьких сушеных насекомых, носящих название «кермес», напоминавших своей формой зерно растения

тая из дамасского шелка с золотой нитью, тоже оторочена горностаем, но ее кайма уже, чем у Генриха. Они идут во главе процессии. Королевская поступь впечатывается в память этого аббатства, воздвигнутого веком раньше²³. Они преклоняют колена, внимательно слушая проповедь архиепископа Теобальда Кентерберийского, который благословит их после того, как они принесут королевские присяги святой Церкви, Богу и народу Англии. Бароны королевства уже принесли присягу Генриху.

Эта коронация станет высшим священным обрядом. Под тяжелой, богато украшенной короной Алиенора держит голову прямо. Тяжела ты, королевская ноша. Действительно ли Генрих молится? Слушает ли слова прелата? Сможет ли он с честью нести эту ношу?

Его будущее проясняется, он думает о границах нового королевства от Байонны до Карлайла на севере Шотландии. Подобная география уже перестала быть плодом его воображения! Бордо, Ла-Рошель, Нант, Домфрон, Авранш, Кан, Руан, Саутгемптон, наконец, Лондон! Все эти города мерцали в золоте витражей в приглушенном свете аббатства. Бог оказал честолюбцу поддержку. Настал час триумфа, и слава, которая задела его своим крылом, вызвала у Плантагенета никогда ранее не испытанное чувство наслаждения: «Генрих – король Англии! Да здравствует король Генрих!»

Стоя рядом с ним, Алиенора понимает, что пришел момент наивысшей славы. Она выбрала этого мужчину не только из-за рыцарского неистовства, но и за его жажду власти. Очень быстро она поняла его нутро вожака и строителя империи! Ее мечта осуществилась. Благодаря ему она отныне королева Англии. И хотя сердце Алиеноры привязано к родному Пуату, его городам и угольям, мысли ее были захвачены властолюбием, разделенным на двоих. Она предвидит осуществление общих проектов и мечтает о новых детях, рожденных в любви, что редко случается у коронованных особ.

Королевскую чету ожидает грандиозное пиршество, но не в Вестминстерском дворце, весьма заброшенном со времен Генриха Боклерка²⁴ и, к сожалению, отмеченном печатью смерти его сына во время кораблекрушения «Белого корабля», а в резиденции Бермондси. Окрестности Лондона столь богаты дичью, а Темза изобилует рыбой, что недолго приготовить обильное угощение. Нет необходимости бродить вдали от большого города, в тысячу раз более оживленного и более крупного, чем Париж. Лондон – портовый город, его громадный мост объединяет правый берег Темзы²⁵ с левым; высокие стены и семь двойных ворот, башни, обращенные на север, чтобы сдерживать нашествие варваров. Корабли прибывали в Лондон с запада и с востока. В порту знакомились между собой испанцы, генуэзцы, каталонцы и моряки с севера, входящие в Ганзейский союз. Повсюду башни, украшенные скульптурами, колокольни.

За обедом, где было подано много мяса и дичи, по доброй английской традиции принесли суп – бульон с замоченным в нем хлебом, конопляным семенем и говяжьим костным мозгом. Вокруг Алиеноры сидят несколько баронов из Гаскони, чей акцент нельзя спутать ни с пикардийским, ни с шотландским. Она привезла с собой своих музыкантов, которых король взял на корабль, всех, кроме Бернарта Вентадорна, отправленного на континент. Королева счастлива среди этих людей, наряженных в разноцветные платья, обувь с острыми носками, длинноволосых, с инструментами, такими же пестрыми, как и их одежда. Коронация в Лондоне останется одним из самых прекрасных дней ее жизни. К всеобщему удивлению, несмотря на свою беременность, она приняла участие в танце. Генрих тоже увлекся игрой, ему нравятся развлечения: разрядка после напряжения предыдущих часов. В соответствии с кодексом любви полагалось танцевать брабантский танец, когда кавалеры опускаются на одно колено перед дамами, чтобы

экарлат.

²³ Вестминстерское аббатство было основано в 1065 г. королем Эдуардом Исповедником (1004–1066) на развалинах старинного монастыря. Его тело было захоронено в этом аббатстве.

²⁴ Король Англии Генрих I, отец Матильды и сын Вильгельма Завоевателя. – *Прим. пер.*

²⁵ Austin Lane Poole. From Domesday Book to Magna Carta. 1087–1216. Oxford, Clarendon Press, 1951.

пригласить их. Алиенору никто не имел права пригласить, кроме самого короля. Всеобщее веселье было таково, что в лондонском порту были слышны отголоски смеха и песен, которые подхватывали лодочники.

Последние недели беременности Алиеноры прошли в обстановке праздника. Генрих должен готовить кампанию. Он работает при свете канделябров иногда до поздней ночи, а встает на рассвете.

По случаю коронации он – как и его предшественники Стефан и Генрих I – положил на алтарь Вестминстера хартию. Это самый почетный обычай: присяга, принесенная королем перед коронацией, а затем хартия, предоставляемая подданным, чтобы просветить их относительно программы будущего царствования. На самом деле глава государства Плантагенетов является суверенным королем и своим положением обязан только Богу. Генрих решает, что власть его будет абсолютной. В действительности, как писал один из самых блестящих учеников Теобальда Кентерберийского, Иоанн Солсберийский²⁶, Генрих, молодой король в возрасте двадцати одного года, должен был покориться воле Господа и править в соответствии с его духом, быть служителем закона и справедливости. Он уже обещал вершить правосудие и не терпеть разбоев и воровства. Его предок, Вильгельм Завоеватель, уважал обычаи, но не обнародовал хартию, поскольку принял власть совсем в других условиях. Генриху необходимо согласие Церкви и баронов, чтобы принести присягу и издать хартию. Это священная и торжественная связь «абсолютной верности», которую Генрих хочет снова восстановить в полной ее строгости, принимая на себя абсолютную королевскую власть. В хартии Генриха он представляется как «король Божьей милостью».

Всего через два месяца после коронации Алиенора дарит ему второго сына. Одна из первых забот короля – потребовать у подданных принести присягу верности обоим сыновьям: Вильгельму (Гийому) и Генриху. Младший вступит на трон в случае смерти старшего брата. Алиенора разгадала амбиции мужа, и он вновь вызвал ее восхищение. Королева поняла, что Плантагенет не желает делить власть ни с кем. Помня его поведение в Пуату, она подумала, что «английский леопард» сам будет принимать законы в своей стране, лишь он один. Он утвердит свою власть, реформирует английские институты, возьмет в свои руки организацию английского правосудия и финансов. Будет чеканиться единая монета, восстановлено богатство в королевстве посредством конфискации земель баронов-самозванцев и наказания находящихся у них на службе наемников. Необходимо вернуть прежнее значение монархии, вновь заполнить государственную казну.

Легче всего Плантагенету добиться этого в Англии, чем где-либо в другом месте, считает Алиенора. В Анжу, так же как и в Пуату, он встретил бы больше сопротивления.

Подобно своему деду-трубадуру, Алиенора не доверяла церковникам. В Англии они вознесли Генриха на трон. Ведь архиепископ Теобальд Кентерберийский, пожалуй, самое влиятельное лицо в Англии. Это он собственноручно скрепил договор между Стефаном и Генрихом о праве наследования трона. И это он взял обещание с Генриха установить мир в стране. Алиенора знает, что хартия Генриха II, инспирированная правлением его предшественника, не удовлетворяла Церковь. Этот возврат к обычаям казался прелатам опасным. Он только укреплял власть короля по отношению к Церкви. Теобальд поделился своими опасениями с двумя могущественными нормандскими прелатами – Арнулем из Лизье и Филиппом из Байё, затем с епископом Винчестерским, братом покойного короля Стефана Блуаского. Согласие Церкви, тем не менее, оставалось для Генриха не менее важным, чем согласие нормандских баронов. Генрих способен защитить себя, но ему надо провести серьезную кампанию по реабилитации

---

²⁶ Этот клирик, получивший образование в Париже, секретарь архиепископа Кентерберийского, а затем друг Томаса Беккета, написал знаменитый труд «Policraticus» (1159 г.), первый трактат по политической науке в Средние века. Он закончил свою карьеру в сане епископа Шартра и умер в 1176 г.

королевской власти в Англии! Алиенора поможет ему, опасаясь за своего сеньора не только со стороны отстраненных баронов, но и со стороны нескольких слишком усердных прелатов, всегда готовых захватить власть. Такая ситуация была хорошо знакома королеве: во Франции в годы ее юности правили Сугерий и Бернар Клервоский. Благодаря небу, Генрих не Людовик. Однако могла ли Алиенора предположить, что на ее пути встанет противник более опасный, чем монах, умная и утонченная личность, культурный и элегантный мужчина – будущий канцлер Англии Томас Беккет?

Глава 5

Томас Беккет

После рождения второго сына Генрих дал небольшую передышку супруге. Она не проводит целые дни в детской со своими сыновьями, но продолжает брать малышей на руки, петь им колыбельные песни. Особенно часто поет песенку «Жаворонок», которую ей посвятил трубадур Бернарт де Вентадорн, это настоящий гимн любви и радости жизни. Алиенора считает своей обязанностью научить сыновей петь «Жаворонка». Она слишком много страдала от пересудов во время развода и теперь наконец-то счастлива. Только одна печаль преследует королеву: ее дочери, оставленные с Людовиком. Слепленная страстью к Генриху, она даже не подумала о том, чтобы взять девочек с собой, понимая, что Людовик все равно запретил бы сделать это! Иногда Алиенору одолевают чувство стыда и угрызения совести. Однако судьба готовила ей другое место, и она не желала упускать свой жребий. Со своими дочерьми королева сможет встречаться, когда они с Генрихом будут путешествовать по континенту.

В этом году весна не слишком поздняя. Иногда она ходила на прогулки со своими сыновьями вместе с кормилицей, несколькими слугами, охраной и роем молодых девушек, которые пели перед восхищенными малышами. Алиенора верила, что красота порой олицетворяет счастье, если сочетается с благородством, и предпочитала доверять своих детей красивым феям. Подобно своим предкам, она считала, что надо радоваться и наслаждаться жизнью. Маленькие ослики везут корзины с едой для пикника, и вдоль всей пустынной дороги слышны бубенчики экипажа Алиеноры. Ей обычно не свойственна мечтательность или меланхолия, и она пользуется этим свободным временем, чтобы лучше узнать свое новое королевство.

Сожалеет ли она о Провансе или о Северной Франции? Почувствовав свободу, Алиенора опьянела от новизны ощущений. Красота Лондона приводила ее в восторг.

Они с Генрихом временно живут в Бермондси, потому что лондонский замок еще не приведен в порядок после многолетних войн и разрухи. Многие часы королева проводит у окна, наблюдая через матовые стекла за фламандскими кораблями с поднятыми парусами, которые ждут, чтобы бросить якоря у причалов.

Места в лондонском порту²⁷ стоят дорого, поскольку здесь пересекаются пути торговцев с Крайнего Севера, везущих пушнину, соленую рыбу, янтарь, из которого делают модные украшения, и купцов с Юга, торгующих выделанными кожами и пастелью. Самые бесстрашные из всех – генуэзцы и каталонцы, стоящие у входа в гавань, – прибыли за оловом и высококачественной крученой английской шерстью для банкиров во Флоренции и Милане, откуда они везут шелк. В порту царит постоянное оживление.

Алиенора предпочитает этот город Парижу. В нем осталось всего тринадцать монастырей и сто двадцать шесть приходов, уцелевших благодаря принятию акта повиновения при Вильгельме Завоевателе, что дало возможность избежать разрушения, которому он подверг другие города. Злополучная буря 1091 года уничтожила сотни деревянных домов. Страшный пожар, случившийся в начале правления Стефана, от деревянного Лондонского моста перекинулся на город и разорил его, при этом почти полностью сгорел собор Св. Павла. Город восстановили в камне. Камень и черепица украсили его. Появились прекрасные ровные прямоугольные кварталы с удобным жильем и садами или парками. В Лондоне есть чистые рынки и улицы, поскольку построена канализация и имеются стоки. По ту сторону моста, в менее ухоженных кварталах, бродит множество бездомных собак. Город обзавелся мэром с двенадцатью помощниками, которые осуществляют контроль за соблюдением законов, содержат в порядке город-

---

²⁷ Austin Lane Poole. From Domesday Book to Magna Carta. Op. cit., p. 63–69.

скую стену²⁸. Раньше Алиенора никогда не видела Лондона с его ипподромом, ежегодным карнавалом, санными гонками и вообще никогда не видела зимы в городе. Она была поражена той ловкостью, с которой народ передвигался по льду в сапогах, поставленных на металлические полозья.

Ценящая утонченность восточной кухни, Алиенора не желала пробовать овсяную кашу и пиво, научившись от своих трубадуров и жонглеров ценить вина Аквитании, которым те отдавали предпочтение. Ее рассмешил вид музыкантов, заблудившихся в весеннем утреннем тумане и похожих на мокрых собак, барахтающихся под дождем. Она радуется своему переезду в Англию словно возрождению.

После коронации Генрих торжественно представил королеву английским сеньорам, сохранившим ему верность. Все, или почти все, они при распределении титулов и должностей оказались в первом эшелоне. Таким образом, приехав сначала в Саутгемптон, а потом и в Лондон, Алиенора смогла познакомиться с самыми влиятельными баронами Англии.

Она узнала, что среди самых крупных феодалов, участвовавших в распрях между Стефаном и Матильдой, а также соперничавших друг с другом, самым важным был придворный граф Дарем. Его владения граничили с Шотландией, и его поддерживал епископ, который имел почти абсолютную власть над своими подданными с XI века.

Ричард де Люсе был назначен Генрихом верховным феодальным судьей отнюдь не за верность – он служил Стефану, но за другие достоинства. Алиенора уже имела случай поздравить его с зачислением на службу к новому королю. Он склонился перед ней:

– Я ожидаю нового канцлера, Томаса Беккета, чтобы нас вместе принял король. Все твердят, что он очень быстро добился резиденции прево Беверли, одной из самых богатых в Англии... Его упрекают в том, что он устроился в резиденции архиепископов в одном из самых элегантных районов Лондона, рядом с церковью настоятеля Св. Григория и виноградником, на который зарится Церковь Христа.

Алиенора замечает, что к ней приближается мужчина, скромный вид которого королеве кажется слишком нарочитым. Томас Беккет в действительности был больше похож на принца, чем на монаха. Высокий, с мягкими движениями, открытым лицом с правильными чертами, пронзительным взглядом, он казался противоположностью своего сеньора, очень молодого короля Англии. Старше Генриха на пятнадцать лет, Беккет мог сойти за его наставника. Разглядывая канцлера, Алиенора вдруг почувствовала себя словно не в своей тарелке. Интуиция подсказывает ей держаться настороже. Она глядит на Ричарда де Люсе, тоже, по всей видимости, смущенного респектабельностью сына простого шерифа, внезапно возведенного в чин канцлера. Не должен ли был им стать сын Теобальда, спрашивает она себя. Томас склоняется перед Алиенорой и с самым добродушным видом спрашивает о здоровье королевы и ее детей. Какой вывод? Он торопится, и можно догадаться, что Беккета интересует только его король. Однако довольно скоро он тоже чувствует неловкость и, не говоря ни слова Ричарду, уступает тому место перед дверью в зал совещаний и быстро отходит от Алиеноры, присутствие которой в таком месте кажется ему излишним. Герцогиня Аквитанская в Англии всего лишь супруга короля. Опыт при французском дворе давно помог ей осознать, что Церковь допускает почитание лишь святых женщин, скромных служительниц Христа и тех, кто обладает богатством и властью.

Что поделаешь со своим мнением? В глубине души Алиенора возмущается, но это старый рефлекс. За куртуазными манерами Томаса она угадывает не подлежащее обжалованию мнение о себе. Ведь она предала своего первого мужа, Людовика. Церковь не оказывает доверия неверным женам.

---

²⁸ Эта старая стена, построенная еще при римлянах, регулярно подновлялась тесаным камнем. Она должна была достигать шестнадцати футов в высоту и трех футов в толщину, в ней было проделано семь ворот.

Королева молит небо, чтобы Генрих морально не поддержал Беккета в его начинаниях. Она угадывает серьезное влияние на своего царственного и такого молодого супруга со стороны этого зрелого мужчины, который, тем не менее, не производит впечатления прелата, рвущегося к власти. Она размышляет, кого бы мог предать Томас на пути к своей должности. Об этом много говорят... Какие качества присущи ему? Прозорливость? Несомненно. Умеренность? Она в этом вовсе не убеждена! Энергичность? Это чувствуется. Говорят, канцлер проявляет настоящие чудеса ясновидения при анализе той или иной ситуации. Даже сам Папа обратил на него внимание. Факты убедительные, но, тем не менее, внутренний голос предупреждает: «Берегись этого человека!»

Алиенора припоминает, что слышала о нем: Томас Беккет родился в Лондоне в семье почтенного купца около 1118 года. Его отец был городским шерифом – это примерно то же самое, что купеческий старшина в Париже. Томас получил хорошее образование у каноников Мертона, короткое время учился в Париже. Отец, опасаясь, что он наберется в Париже свободомыслия, отзывает сына в Англию. В самом деле, в аббатстве Сент-Виктор не перестают обсуждать ссору Бернара и Абеляра и, в особенности, бурный роман последнего с юной Элоизой! Настоящей удачей для Томаса Беккета была встреча с архиепископом Теобальдом Кентерберийским. Проницательный Теобальд взял Томаса под свою протекцию и отправил его в посольство в Рим, где обнаружился дипломатический талант последнего. Именно это послужило поводом для Генриха II назначить Томаса Беккета канцлером. «Король Англии сам вполне справится со своей задачей, – думает Алиенора. – Зачем навязывать ему человека, которого он не выбирал?» Поездка Томаса была блестящей: он присутствовал на соборе в Реймсе под руководством Папы Евгения III в 1148 году, а три года спустя отправился в Болонью для изучения канонического права. После недолгого пребывания во Французском королевстве в 1154 году снова пересек Ла-Манш и получил титул архидиакона Кентерберийского, а Теобальд, который к этому времени состарился, передал Томасу всю власть над финансовыми делами архиепископства. В тридцать пять лет, назначенный диаконом, он имеет права на доход с церковного имущества. Таким образом, Беккет был выдвинут Церковью на пост канцлера, пост, вызывающий наибольшую зависть. Благодаря его назначению Церковь утверждала себя в государственной власти.

Алиенора знает, что именно в Церкви, и только там, а не в мире военных, чаще всего плохо образованных, развивается политическое мышление. Именно против заблуждений подобного рода восстали ее предки, и этому возмущению они обязаны своей независимостью и стремлением к культуре²⁹. Оригинальные эссе о письме на языках Пуату и Лимузена, поэмы, песни, героические поэмы тоже являются выражением свободомыслия. На Алиенору, получившую блестящее образование, окружение Теобальда Кентерберийского не произвело сильного впечатления, несмотря на то что там были выдающиеся умы и философы, такие как Иоанн Солсберийский. Она знает, что Генрих не уступит им и не почувствует себя столь же беспомощным, как Людовик перед Сугерием и Бернаром Клервоским.

Она так внимательно разглядывает Томаса, что не замечает появления королевы-матери, Матильды, которой тоже интересно посмотреть на нового канцлера. Поскольку Матильда очень восхищалась Теобальдом Кентерберийским, она одобрила приближение Беккета к своему сыну. Когда же первый энтузиазм прошел, у нее, так же как и у Алиеноры, возник вопрос: не станет ли канцлер оказывать слишком сильное влияние на короля? Она чувствует силу и уверенность, исходящие от Томаса. И хотя этот молодой человек уже привык к власти, все-таки он вырос в простой семье, а не среди избранных принцев крови! Сумеет ли он стать

²⁹ В особенности Алиенора мечтала о музыкальной школе аббатства Св. Марциала в Лиможе и об исключительных богатствах библиотеки этого аббатства, которая насчитывала не меньше четырех с половиной сотен манускриптов, священных текстов и житий святых, а также произведений других латинских классиков, трактатов о музыке, грамматике, архитектуре, астрономии! Короче, все, что могло обогатить и питать ум.

полезным Генриху, сдерживать амбиции мятежных и воинственных баронов? Сможет ли Беккет смягчить Церковь по отношению к королю? Алиенора знает бескомпромиссный характер супруга, такой же, как характер Матильды. Ее неприятно поражает, что Томас, по-видимому, слишком влюблен в придворную жизнь, в длительные поездки на охоту с молодым королем, в леса, богатые дичью. Он даже завел себе охотничью конюшню и вообще оказался большим любителем роскоши.

Матильда наблюдает за Томасом, застав его во время короткого разговора с Алиенорой и Ричардом де Люсе. Генрих все еще не приехал, и поэтому королева-мать обрушивает на канцлера град вопросов:

– Кажется, Генрих взял с собой тридцать шесть рыцарей, в число которых вошли и вы. Они ловкие охотники, не правда ли? Десять псовых свор и пятнадцать слуг, этого достаточно? При таком ритме, как вы думаете, останется ли дичь в Англии? Как и мой сын, вы носите золотые шпоры?

Затем, внимательно его рассматривая:

– У вас есть даже рог из слоновой кости с девятью золотыми обручами, совсем как у короля Бегона из «Гарена Лотарингского»! Это действительно необходимо? А наш дорогой архиепископ Теобальд, он знает о таком ходе вещей? Вы думаете, что он поощрял бы такую роскошь?

Она ждала ответа. Томас Беккет, застигнутый врасплох, словно молодой дворянин, готовящийся к посвящению в рыцари, покраснел от смущения. Королева-мать напоминает ему, что прежде всего он принадлежит Церкви, даже если буквально следует решениям и капризам своего короля.

– Я вам благодарен, мадам, что вы призвали меня к порядку. Но жизнь принцев проходит также и в их лесах, не правда ли? Разве подобная тренировка не является для них спасительной?

В разговор вступает Алиенора, чтобы еще больше подчеркнуть претензии королевы-матери, которые, судя по всему, попали в цель. Этот человек, сын шерифа, добившийся высокого положения, будто гордится своей расточительностью.

– Дорогой канцлер, вы должны были бы съездить к императору Мануилу Комнину в Константинополь! Там бы вы увидели самую прекрасную коллекцию соколов, которая существует в мире!

– Мы не при константинопольском дворе, – обрывает ее Матильда, – и на своем опыте знаю, что корона Англии непрочна, а заговорщиков очень много. Моему сыну не хватает опыта, хотя он вполне способен оценить опасность. Я надеюсь, что вы поддержите своего короля и поможете восстановить английское королевство, уничтоженное людьми Стефана, а также прогнать его наемников. Ваша роль заключается не в ношении рукавицы сокольничего, это роль человека, предназначенного внести вклад в восстановление городов, разграбленных церковью и монастырей. Вот так, молодой человек!

Блестящий, искрометный, красноречивый, Томас потерял дар речи. Ричард де Люсе не присутствует при конце разговора. Он издали замечает Генриха. Оживленный и шумный, король почти бегом приближается к Томасу. Он еле достаивает свою мать и жену приветствия.

– Что с тобой, мой друг, ты выглядишь мрачным? Я, разумеется, опоздал. А вы, – бросает он Ричарду, – должны завтра мне отчитаться, потому что я уезжаю, а тебя, Томас, беру с собой, хочу посмотреть, чего ты стоишь в бою!

– Куда вы уезжаете? – спрашивает Алиенора.

– На шотландскую границу, моя дорогая!

– Не забудьте, Генрих, – предупреждает Матильда, – что король Шотландии наш союзник!

– Да, матушка!

Генрих увлекает двух своих приятелей, требуя, чтобы позвали третьего, Роберта де Лестера, второго судью, преданного ему. Затем закрывает дверь зала советов перед носом матери и супруги.

– Вы думаете, что я буду слушаться приказаний матери? Ее любимый маленький король Шотландии должен отдать мне графства Нортумберленд, Уэстморленд и Камберленд! Я обещал не требовать их, но должен ли я позволить варварским ордам Крайнего Севера хлынуть через границы? Государственные интересы требуют, друзья мои, будем готовиться к войне!

Глава 6

Генрих и Томас

Генрих по-прежнему расточает похвалы новому канцлеру. И вскоре тот становится персоной, без которой нельзя обойтись. Неважно, что его образ жизни вызывает пересуды. В своем роскошном особняке Томас принимает рыцарей и заслуженных людей, не являющихся дворянами. При дворе Теобальда Кентерберийского он понял, что ценность человека определяется не только его благородным происхождением.

Из кухонь доносятся крики маленьких поварят, которых повара шпыняют, чтобы они быстрее поворачивали вертела³⁰.

Алиенора не одобряет образа жизни канцлера Беккета, ей кажется, что он переходит границы благопристойности. Такая пышность для сына шерифа? Но она знает, что Генрих в нем нуждается. Ей не предоставляется случая высказать супругу свое мнение на этот счет, потому что он оставляет супругу, охваченный лихорадкой реформ. Его советы в зале совещаний, военные походы, выезды на охоту происходят все чаще. Молодой король Англии счастлив, и его канцлер тоже. Шепотом передают слух, что доходная должность судьи Беверли была бы вполне достаточной этому выскочке-простолюдину Беккету. Почему король ему подарил доходы с Еастингса, управление лондонским Тауэром, а вместе с ним ответственность за его гарнизон?

Генрих и в ус не дует. Он убежден, что, встретив Беккета, нашел жемчужину. Чтобы держать в руках королевство, требуется не только невероятная энергия, но и познания в области правосудия, управления, экономики, финансов. Война уже у ворот, почти на ступенях королевства, и в одиночестве невозможно ей противостоять. Король не доверяет ни английской знати, которая обворовала его предшественника, разорила страну, ни даже Церкви с ее бесчисленными колокольнями и громадными соборами, поскольку она превратила Англию в свой удел. Духовенство без конца требует дани, наследства, освобождения от налогов, а обязанности и обязательства его пугают.

Своим превосходством над королем Беккет обязан в данное время тому обстоятельству, что его поддерживает Теобальд Кентерберийский, за которым стоит римская Церковь. Опора, которой пользовался король, только очень ограниченно, поскольку был коронован архиепископом.

– Сир, – сказал он, – мне понадобится огромное число писцов, чтобы переписывать хартии, корреспонденцию, делать описи имущества и переписи населения.

– Так нанимай же, Томас! Но выбирай только верных людей. Мы собираемся назначить новых шерифов в графствах! Надо будет сделать так, чтобы деньги возвращались в казну, надо найти опору семьям посреди этого океана шкурников. Мы проедем по моему королевству, мой дорогой канцлер, и проведем инспектирование, и не только для того, чтобы охранять наши границы. Я отправлю Ричарда де Люсе, чтобы он все осмотрел. Да, я знаю, задача тебе кажется непосильной. Не хочешь ли, чтобы я попросил Гилберта Фолио³¹ присоединиться к нам? Этого Фолио сжигает огонь усердия услужить королю. Он очень хорош, этот Гилберт Фолио, и надеется убедить своего кузена Роджера де Херефорда, чтобы тот уступил мне свои замки в Херефорде и в Глостере. И в качестве цены за свою преданность что, вы думаете, он мне предлагает? Он просит твое место, твою голову, если тебе это больше нравится, – посмеивается Генрих.

---

³⁰ *Frank Barlow. Thomas Becket. Berkeley&Los Angeles. University of California, 1986; and Pierre Fube. Thomas Becket. Paris, Fayard, 1988.*

³¹ Приор Клюни, а потом Аббервиля, аббат Глостерский, Гилберт Фолио был с 1148 г. епископом Херефорда и в 1163 г. был назначен епископом Лондона. См.: *Pierre Aube. Op. cit., P. 149.*

Но он перестает смеяться, увидев, как побледнел Томас.

– В окружении Теобальда, поверь слову твоего короля, не только твои друзья. Ты должен был этого ожидать. Томас, мне представился случай понять, оценить по заслугам значимость той дружбы в юности, в которую ты так веришь. Среди многих ты найдешь лишь двух, может быть, трех друзей, которые останутся тебе верными.

И Генрих чуть нервно усмехнулся.

– Не хочешь ли сыграть в шашки, чтобы узнать, кто – Роже де Пон-Левек или Иоанн Беллесмен – останется тебе верным?

– Я не играю в шашки на своих друзей. Я знаю, что Роже де Пон-Левек ненавидит меня. И знаю также, что Иоанн Беллесмен испытывает ко мне дружеские чувства.

– Возможно, этот маленький аббат мне кажется симпатичным, но Гилберт Фолио и Роже Пон-Левек, поверь мне, бросили бы тебя на растерзание собакам, если могли бы.

– Мне пришлось пожаловаться на Роже Теобальду, – ответил Томас, – он меня преследовал.

– Ты хочешь сказать, что его гложет зависть, – продолжает Генрих, – этот человек предпочел бы видеть тебя скорее слугой на ферме, чем канцлером. И все-таки именно Роже Теобальд предлагает в капитул Йорка на следующие месяцы, что весьма странно. Однако он без колебания назначил тебя главой архидиаконата Кентерберийского вместо упомянутого нами Роже, делая тебя первым представителем английской Церкви.

– Я всем обязан моему господину Теобальду, но с вашей стороны, мой король, нет повода жаловаться на Церковь Англии. Не забывайте, что Теобальд защитил вас с риском для жизни, когда Стефан приговорил его к изгнанию. Не забывайте, что Завоеватель, который с честью носил свое имя, основал почти семейную церковь, в нее входили послушные ему нормандские сеньоры.

– Завтра на заре вели седлать наших коней. Мы отправляемся из Оксфорда до Нортгемптона, чтобы подтвердить Хьюго Биго, нашему сенешалю, что он имеет в личном пользовании графство Норфолк, потом направимся к Вильгельму д'Омаль. Мы увидим, Томас, передаст ли нам Роже де Херефорд замки Херефорд и Глостер.

– Если цена этого соглашения, сир, мое звание канцлера, примите мою отставку от должности.

– Я категорически отказываюсь. Разве для того я тебя назначил канцлером, чтобы ты разбрасывался этим титулом? После Омалия нам надо будет с оружием в руках отправиться к Мортимеру. Я его не пощажу. Так надо, ты меня понимаешь? Нужны его крепости Бриднорт и Уигмор и замок Креобари. Мы напоим лошадей в реке Уай, чащи Малверна нас не остановят. А потом мы отправимся в Уэллс, чтобы спровоцировать мятежных валлийцев³². Нужно же когда-нибудь сократить численность этих диких жителей, живущих в пещерах, как пастухи. Знаешь ли ты, какое у них главное оружие? Не лук, не таран, готовый пробить ворота крепостей, а туман, который прячет их лучше, чем безлунная ночь. Этот народ Уэллса, который сдался римлянам, но не саксам, отступит, ты увидишь. А мы будем громко трубить в горны и, разведя огонь, погоним валлийцев в их последние укрепления. Покончив с ними, я не откажусь от небольшого отдыха в аббатстве Тинтерн. Там хорошо предаваться размышлениям. Наш Вильгельм уступил приграничные районы страны трем баронам: Шрусберийскому, Херефордскому и Честерскому. Мой предок не мог предугадать, что это трудное дело достанется мне. Нам необходимо построить много замков для защиты в пограничных районах Уэллса. Когда дикари спускаются с гор, то становятся захватчиками. Это не просто люди, защищающие свои земли, это люди, которые угрожают. Я не хочу стать в глазах англичан похожим на кабана Ненниуса³³,

---

³² Henry II's Campaign against the Welsh in 1165. Welsh History Review, 14 avril 1989. P. 523–552.

³³ История о кабане, рассказанная монахом и летописцем Ненниусом, была модной в XII в. В басне рассказывается о том,

приведшего в бегство всех валлийцев. Хороший король, – продолжал Генрих, – это и такой король, которого даже самый бедный из подданных готов благодарить за освобождение страны. Если Господь даст силы сражаться, то хотелось, чтобы меня сравнивали с королем Артуром.

Томас впервые слышит, чтобы Генрих поминал Господа. Для короля, как в прежние времена для Хлодвиг, Бог был в первую очередь тем, кто дает силы лучшим воинам. Он был воспитан в этих принципах и умел рассуждать только как военачальник.

– Мне нужны самые талантливые люди, чтобы превозносить заслуги предков, да и мои тоже. Я нуждаюсь в хороших летописцах. Я намерен дать доход с церковного имущества всем монахам, чтобы те молились за нас в аббатстве Гластонбери. Необходимо, чтобы они отыскивали могилу Артура. Это очень важно для меня. Гластонбери означает «остров, окруженный болотами», где заточили прекрасную Гиневу³⁴, похищенную у супруга. И все-таки Артур остался в истории самым обделенным любовью королем. Во всяком случае, я хочу видеть торжество Артура.

– Я должен пойти и отдать распоряжения насчет завтрашнего отъезда, сир, – сказал Томас. – Прошу меня извинить. Я вижу, что к нам приближается мой друг Иоанн Солсберийский.

– Определенно, – сказал Генрих, выходя с недовольным видом из зала совета, – по этому коридору ходит слишком много народа. Я оставляю тебя с твоим Иоанном Солсбери, о котором рассказывают много хорошего.

– Это, без сомнения, один из лучших теологов нашего времени и очень верный человек. Он произносил похвалы на вашей коронации очень искренне, полный надежды и веры в ваше будущее! Он проявляет ко мне дружелюбие, и я очень благодарен ему.

– Побьемся об заклад, что ты его не разочаруешь, – произнес ревнивый Генрих, – тем не менее ты остаешься моим усердным слугой. Никогда не забывай, Томас, что с сегодняшнего дня ты прежде всего должен слушаться своего короля.

Томас кланяется и удаляется, недовольный тем, как закончился разговор. В этот момент появляется Алиенора, отвечая на приветствие канцлера и Иоанна Солсберийского немножко чопорным кивком головы и весьма холодной улыбкой.

– Судя по ее виду, она не рада встрече с вами, – говорит Иоанн Томасу.

– Эта эгоистичная женщина, – говорит Томас, – в ярости, что ей не удастся держать мужа в подчинении.

При виде супруги на лице Генриха отразилось недоумение. Было видно, что у королевы дурное настроение. Что она хочет ему сказать? У него не хватит совести пренебречь женой. Алиенора набрасывается на него. Она в гневе, ее выражения грубы, даже оскорбительны.

– Мне надо с вами поговорить. Вот список, который дал мой дворецкий, а ему в свою очередь передал дворецкий Томаса. Тридцать кусков сукна экарлата, столько же эстанфорта³⁵, биффы³⁶, сотня одноцветных отрезков, полосатых, в рубчик³⁷!

что во времена знаменитого Гарена Лотарингского, героя популярной героической песни, гигантский кабан бегал по лесам, сея ужас в округе. Однажды кузен Гарена Бод он решил убить зверя. Не слушая жену, которая отговаривала его от этой затеи, Бодон прочесал весь лес. В конце концов в тот момент, когда он почти настиг кабана, Бодон был убит охранником вражеского замка! В применении к Уэлсу эта легенда означала бы, что не стоит рисковать ради слишком дерзкого предприятия.

³⁴ Claude-Alain Chevalier. В «Chretien de Troyes», Yvain, Le Chevalier au lion, Paris, Librairie generale de France, 1988.

³⁵ Эстанфорт был одним из видов шерстяного сукна, которое изготовлялось во Фландрии, в Англии и Франции, роскошное сукно белого, синего и ярко-красного цветов.

³⁶ Биффы – сукно светлого цвета.

³⁷ Одноцветное сукно, в противоположность сукну в полоску. Сукно цвета морской волны, темно-синее было распространено в Средние века. Ткани в рубчик, так называемые ткани из Прованса, продавались повсюду, особенно на Сицилии. Они производились в основном в Ганде. Название «сукно» обозначало разновидность ткани, измеряемой на прованские локти и рулоны, которая особенно часто продавалась на ярмарках в Шампани. См.: *Felix Bourquelot. Etudes sur les foires de Champagne, sur la nature, l'étendue et les régies du commerce qui s'y faisait aux XII, XIII et XIV siècles*, Paris, Imprimerie nationale, 1865, Vol. II. P. 225–250.

– Обратитесь к вашему управляющему, мадам. Какое я имею к этому отношение?

– Увы, мой нежный друг, я буду чувствовать себя очень оскорбленной, если все будут пренебрегать мною. Мне ничего не сообщили о приготовлениях, которые напрямую нас касаются. Новый канцлер в буквальном смысле стал вашей тенью, следует за вами повсюду, решает все и крадет у нас часы интимных встреч. Я с детьми намерена жить во дворце так, как мне заблагорассудится. Не разрешайте ему все контролировать. Я хочу быть свободной с вами. Отошлите его.

Генрих никогда не видел Алиенору в таком состоянии. Он едва сдержался, чтобы не дать ей пощечину.

– И вы просите меня сменить канцлера, – гневно отвечал он, – в то время как мы с ним только что запустили большой проект реформы королевства и всей военной стратегии, чтобы спасти страну? Ах нет, мадам, вы переходите границы ваших супружеских прав и, что еще серьезнее, прав королевы. Неужели думаете, что я поддамся вам подобно бедному Капетингу, которым вы распоряжались как хотели? Не было ли чистым безумием с его стороны взять вас с собой и вашей свитой в крестовый поход? Безумные женщины – вот кто тащился вслед за Людовиком VII Французским. Если бы я должен был совершить этот крестовый поход, то не обременял бы себя ни сукном из Стенфорда – ни одноцветным, ни ярко-красным, – ни вами, мадам... Скорее ядрами для катапульт, топорами, шпагами и дротиками. Не рассчитывайте, что я взял бы с собой свиту ваших разочарованных влюбленных. И прекратите досаждать мне своими пустыми замечаниями. Будьте любезны, оставьте моего канцлера в покое, который к тому же по доброте своей хотел приготовить нам хорошее жилье!

– Так-то вы меня любите, Генри? – произнесла Алиенора, готовая разрыдаться. – Вы сурово и бесповоротно обвиняете меня. Я вижу, что обидела вас. Но с тех пор, как мы приехали в Англию, я не узнаю вас и спрашиваю себя, почему же раньше вы так заискивали передо мной? Ответьте мне.

– Мадам, кажется, вы не понимаете, каким опасностям подвергается совсем молодая Англия, которую я представляю. Мне необходимо собрать все силы, чтобы дать сражение за упрочение власти и добиться мира, который так нужен и вам, и нашим детям.

– Английская земля мне казалась такой благожелательной, – вздыхает Алиенора, – а вы меня опять покидаете.

– Вы будете ухаживать за нашими детьми, мадам, в условиях безопасности и комфорта. Ваша помощь будет очень полезна, это лучше, чем вмешиваться в мои дела. Они слишком сложны, но не могу сказать, что в то время, когда я буду занят походами, войнами и буду отсутствовать, то не доверю вам некоторые дела, касающиеся управления. Однако королевская печать передана в руки нашего канцлера, и вы можете только смириться с этим фактом.

– А что говорит ваша матушка? – совсем нестати спросила Алиенора.

– Моя мать ко всему этому не имеет никакого отношения. Она должна меня благодарить за то, что я вернул замки, которые она потеряла. Берите с нее пример, Алиенора, и не давайте мне повода поступить как мой отец, который убегал от своей супруги-императрицы, потому что та ему докучала. Надеюсь, что, когда вернусь, вы будете в лучшем расположении духа.

Генрих, по-видимому, потерял чувство юмора, а она – его сердце.

Глава 7

Генрих II и Томас Беккет на берегах Луары

В отношениях этой пары сумасшедших и торжествующих влюбленных наметилась трещинка, и некоторые уже замечают это – и среди них капеллан и духовник Алиеноры, Пьер, знакомый с ее страстным характером, свободомыслием, обаянием, ее жаждой счастья, а иногда и глубоким упадком духа! Но церковник признает за королевой одно качество: она очень старается исправить вред, который причинила.

Поскольку один из главных постулатов Церкви – не давать выход своим страстям, то женщины – натуры более порывистые и эмоциональные – нарушают его чаще мужчин. Женщин надо защищать от себя самих, и особенно когда они занимают видное положение и могут влиять на политику страны. И первым объявляет тревогу Папа.

Архиепископ Кентерберийский и Томас Беккет применяют все свое влияние, чтобы отвлечь Алиенору от власти. Было бы неплохо, по мнению Папы Адриана IV, английского цистерцианца, который хорошо знает Томаса, чтобы королеву не подпускали к управлению Англией³⁸. Его мало интересовали слабые попытки королевы вмешиваться в дела власти, гораздо сильнее он желал, чтобы с именем Генриха связывали ряд серьезных реформ и перспективных проектов. Папа-реформатор, он мог только поощрить Томаса в его трудной роли между Церковью и королем, после того как сам назначил Беккета канцлером вместо Жильбера Фолио.

Такая позиция Папы приносит Алиеноре страдания, королева считает подобное неуважение несправедливым. Чтобы задобрить духовенство, она увеличивает число фондов, пожертвований и благотворительных дел в Пуатье. Как же бороться против власти, находящейся в руках мужчин, ревниво относящихся к своим исключительным правам?

Ее главная конфидентка, Нанн, кормилица, не покидавшая Алиенору с детства, заменила ей мать, которую девочка потеряла в четыре года. Отца Алиенора лишилась в четырнадцать лет, и у нее не осталось никакого прибежища, кроме беззаветной любви Нанн. В юные годы Алиенора попала во французский королевский двор, к недоступной свекрови, в зловещий замок Лувр и делила дни и ночи – что ее совсем не устраивало – с молодым мужем, насквозь набожным. Несомненно, Людовик любил жену, но совсем ей не подходил. У Алиеноры случались приступы экзальтации, а затем наступало уныние. Она становилась переменчивой, ироничной, иногда вела себя с окружающими просто оскорбительно. Старая кормилица видела, что она несчастна, и еще больше окружала ее заботами.

Духовник знал о своей воспитаннице все, прислушивался только к ее доброму сердцу и судил менее сурово, чем его начальники. Он сочувствовал этим королевским детям, с самого раннего возраста разбросанным по всему христианскому миру, чтобы обеспечить наследование династий. Никто не учитывал всех страданий, выпавших на их долю, и сумятицы, охватившей детские сердца. Христианин до глубины души, он был способен защитить свою ученицу как от нее самой, так и от ее врагов. Он попытался успокоить королеву после спора с супругом, как раз перед отъездом короля в Уэллс. Добился того, что Алиеноре доверили ключи от будущего замка в Лондоне, этого Вестминстерского дворца, довольно разорительного для королевства, чтобы она могла если не управлять им, то, по крайней мере, декорировать и меблировать по своему вкусу.

---

³⁸ В декабре 1154 г. некий Николас Брекспир, родом из Англии и настоятель монастыря Сен-Рюф в Авиньоне, известный тем, что победил в борьбе с язычеством и варварством, которые царили в Скандинавии, защитил церкви и монастыри и был избран Папой под именем Адриан IV. Именно он в 1155 г. будет короновать императора Барбароссу; умер Папа 1 сентября 1159 г.

Алиенора обладала врожденным чувством прекрасного, испытывала огромное удовольствие от общения с художниками и ремесленниками и не теряла интереса к своему любимому времяпровождению – музыке. Она умела играть на цимбалах и пела нежным голосом модные кансоны, сочиненные юным трубадуром, Бернартом де Вентадорном, который прославился у себя в Окситании.

Алиенора запомнила, что после поездки в Англию трубадур, находившийся в свите Генриха, в то время как она жила еще на континенте, собрал группу молодых музыкантов из разных стран. Музыка была универсальным языком, ноты и мелодии служили проводниками, которые помогали найти собственный путь среди трубадуров. Алиенора восхищалась благородством Бернарта де Вентадорна и, узнав, что вдохновила его на самые лучшие песни, чувствовала себя несказанно польщенной. И хотя Бернарта больше нет при дворе, потому что трубадур был изгнан ее супругом-королем, он снова возвращается к Алиеноре в кансонах, которые напевают мужчины и женщины, даже самые простые, занимающиеся в замке хозяйством.

В ранней юности в замке Омбриер она встретила Брери, старого валлийского барда, который повторял ее кормилице: «Выкрасите в белый цвет стволы деревьев в зачарованном лесу этого ребенка, чтобы позже девочка прежде всего оставалась королевой деревьев...» Все, что он говорил, казалось таким естественным, что его можно было слушать без усталости. Он аккомпанировал себе на арфе, извлекая из нее чудесные звуки. Не был ли Бернарт де Вентадорн очарован валлийскими бардами? Она еще не догадывалась, что он умирает от тоски вдали от нее. Генриха не было рядом, и Алиенора попыталась вернуть благородного трубадура, но капеллан не советовал этого делать. Чтобы возвысить Генриха в ее глазах, он добивается приглашения ко двору молодого дворянина, племянника сира из Танкервиля, который участвовал в последних военных походах Генриха и может рассказать королеве о героических деяниях молодого короля Англии, ее супруга. Ведь этот неукротимый завоеватель, заядлый охотник – их король.

Вот уже три дня вместе с Томасом Беккетом Генрих находится в Анжу, преследуя великолепного оленя с ветвистыми рогами, идущего на всяческие хитрости, чтобы убежать от охотников. Анжу и Турень составляют единое целое, поэтому Генриху приходится загнать сменных лошадей, чтобы проехать по всему своему герцогству. Мелкопоместные анжуйские графы, ревниво относящиеся к своей независимости, видят, как он врывается на их земли со сворой собак, свитой, охраной, конюхами, совершенно выбившимися из сил.

Наконец после долгих усилий олень добегают до Луары. Река скрывает его за ивовыми зарослями, так что он успевает напиться, избежав опасной близости зыбучих песков. Напрягши слух, олень различает пока еще отдаленный лай собак и предпочитает броситься в реку, чтобы та унесла его своим течением. Генрих и Томас, успевшие опередить своих спутников, видят, как он проплывает мимо, со слегка закинутой назад головой и великолепными рогами, напоминающими мачты корабля.

– Смотри, – ворчит Генрих, – этот олень следует за потоками реки, словно любовник за любовницей; но где же собаки? Невероятно, – вздыхает он, не спуская глаз с водной борозды и наблюдая за животным. – Моя корона выглядит смешной по сравнению с оленьей. За свою корону, Томас, я бьюсь со своим братом Жоффруа. Мы и раньше боролись, но на этот раз все очень серьезно. Ты меня упрекнешь в нарушении клятвы, принесенной отцу на его смертном одре: «Если ты станешь королем Англии, ты оставишь Анжу своему брату Жоффруа». Однако эти земли расположены между герцогством моей супруги и Нормандией. Нужно ли прыгать через него? Я не грабил своего брата, я предложил ему годовую ренту в тысячу фунтов стерлингов и двести анжуйских ливров. Это справедливо. Я заставил Жоффруа капитулировать в Лудёне и теперь собираюсь отобрать у него Шинон и Мирбо. Твой добрый Папа Адриан, не он ли освободил меня от клятвы, которую в 1151 году я дал отцу? Мой отец, без сомнения, предпочитал Жоффруа, потому что мать больше любила меня. Ты, Томас, в согласии со всеми. А я в большей мере похож на шотландский чертополох. Один ты, может быть, меня знаешь,

говоришь, что я нравлюсь твоему Папе. Надо, чтобы ты вступился за меня перед ним. Вот только что даже олень вызвал у меня зависть. Ну ладно, пошли есть, ты же не любишь воду... Слуги, пожарьте рыбу.

Люди забросили огромную сеть с квадратными ячейками, молясь, чтобы рыбная ловля была удачной, ведь всем известно, что Плантагенет не слишком терпелив. К счастью, рыбы поймали очень много. Генрих не был обжорой, но любил неожиданные пирушки на открытом воздухе. Он натер свой могучий торс пахучими травами, растущими на берегу.

– Я получил весточку от Иоанна Солсберийского, которую он послал из Рима, – произнес Томас, – вернее из Беневана, где Папа укрылся после коронации Фридриха Барбароссы. Знаете ли вы, что этот император там очень непопулярен? На границах королевства Сицилия происходят битвы, наш Папа храбро обсуждает там условия соглашения.

– Расскажи мне лучше про Ирландию, это меня интересует больше.

– Вы могли высказать признательность Иоанну Солсберийскому, получившему для вас право инвеституры³⁹, – правление Ирландией, благодаря закону, когда-то давно принятому императором Константином и предоставившему тому власть над всеми островами.

– Я знаю, что Ирландия не является безопасной страной, и мне необходимо больше, чем простая уверенность, чтобы победить этих людей, которые верят только в законность кланов и силы природы. Их вожди возвышаются, как менгиры⁴⁰ на своей земле.

– Верно, – продолжает Томас, – в Ирландии надо снова вводить христианство. Наш Папа большой мастер таких перемен, в Скандинавии он показал, на что способен. Трудно навязать законы варварам, восстановить мир и заставить уважать волю Бога в монастырях.

– Твоему Папе это хорошо удалось. Отблагодарим его, если обещания на мой счет не будут пустыми, займемся непосредственно беспорядками в Ирландии.

– Он убежден, что его именем вы восстановите там вашу власть, – уверенно ответил Томас. – Он знает, что ваша популярность растет по всей Англии.

– Рождение моей дочери наверняка тоже что-нибудь значит, – пошутил Генрих.

– Конечно, – сказал Томас, снова вернувшись к своей теме, – бароны усмирены, украденные ими владения возвращены короне, как вы того желали.

– Да, надо было восстановить порядок, – подтверждает Генрих. – Дикие существа, полуголые, живущие в лесах в крайней нищете, сколько я таких насмотрелся. Теперь очень рад узнать, что снова восстановилась торговля шерстью, что наше животноводство и земледелие развиваются. Поддержим также мелких ремесленников. Как только финансы моего королевства будут поправлены, я, если не буду разорен из-за войн, займусь строительством, и не только в Англии. Анжу и Нормандия тоже в этом нуждаются. Нужно принять более строгие законы против воровства. Надо вернуть золото.

Он начинает пробовать одну из великолепных рыб, золотистых от трав и шафрана, которых приготовили в старой каске, превращенной в котелок, и вдруг замечает внушительную баржу, идущую против течения и груженную породистыми конями.

– Откуда идет этот караван? Я не вижу там коней из Перша, наших хороших турнирных и боевых коней, – восклицает он.

– Величество, – ответил один из молодых анжуйских дворян, – они идут из Нанта, а туда прибыли из Испании, теперь же отправляются на ярмарки Шампани.

– Пора уже призвать эту провинцию к порядку. Возможно, анжуйские бароны вступили в заговор с моим братом или с некоторыми бретонскими баронами, которые ненавидят Плантагенетов. Настоящий Ноев ковчег прогуливается у нас под носом по этой капризной Луаре. Нам следует отремонтировать ее весьма ненадежные дамбы, чтобы выдерживать такой флот.

---

³⁹ Инвеститура – в Средние века юридический акт введения вассала во владение феодалом. – *Прим. пер.*

⁴⁰ Менгиры – мегалитические памятники в виде огромных камней, поставленных вертикально. – *Прим. пер.*

Знаешь ли ты Филиппа Фланدرского, Томас? Он ближе к шампанскому дому и к Франции, чем ко мне, однако у этого вечного мальчика есть одно достоинство: он умеет поддерживать свою береговую линию, которую без его усилий засыпало бы песком. Надо будет послать к нему людей, знакомых с изучением вод и земляных насыпей. Они вернутся с новыми проектами. Нужно построить больше маленьких ветряных мельниц с квадратными лопастями, напоминающими паруса викингов, какие у нас уже есть в Нормандии. Уход за такими мельницами обходится дешевле, чем за водяными мельницами, построенными монахами-цистерцианцами, так что это будет выгодно.

Продолжая свой монолог перед сдержанным Томасом, король с аппетитом поглощает рыбу.

– Возвращаюсь к заговорщикам, Томас. Чтобы их остановить, я отберу Шинон у моего брата и сделаю из него неприступный сторожевой пост на границах трех графств: Анжу, Блуа и Пуату. Вьенн его защищает, дорожные пошлины и рыбный промысел приносят прибыли. Скалистый отрог послужит фундаментом нашим прочным постройкам. Мне нужна такая крепостная стена, чтобы она заставила дрожать захватчиков. Знаешь ли ты, что Шинон является ленным владением Анжу, что знаменитый Фульк Нерра, мой предок, сеющий ужас, отобрал его у Блуаского дома? Замок, такой как он есть, служил резиденцией для двора моего отца, который конечно же отдал ее моему брату Жоффруа. Мы осадим замок, и я туда вселюсь. У меня также есть желание реставрировать неф и трансепт собора в Маисе, в котором поженились мои родители, где меня крестили и который в день моих крестин был посвящен святому Юлиану, патрону этого диоцеза⁴¹.

Томас знает все это, но он здесь для того, чтобы выслушивать своего властного краснбая-короля.

– Поговорим о женщинах в моей семье: все начинания моей матери, грозной Матильды, заканчивались плохо. Однако знаменитый каменный мост в Руане, который обошелся ей в целое состояние, держится хорошо, в то время как разливы Сены регулярно сносят деревянные мосты. По ее примеру рассчитываю построить такой же мост на Вьенне, а другой в Анжу. Итак, Томас, я, глазом не моргнув, соглашусь на то, что после епископальных каникул в Анже капитул отнимет у меня все права контроля за выборами епископа. Но это в порядке исключения... добровольно; хотя намерения твоего Папы Адриана на мой счет, по видимому, достойны похвалы, но ты прекрасно знаешь, что у меня нельзя надолго отнять право контроля. Я вернусь к обычаям моих предков. Тебе хорошо известно, что королевские привилегии, предоставляемые некоторым аббатствам, не являются бесплатными. До чего бы я докатился, если бы потерял прибыли от этих льгот и все свои привилегии? До разорения!... И особенно в Англии. Я могу делать только ограниченное число отступлений от правил, для Анже, например, потому что получил от Папы буллу об Ирландии. Это все надо будет изучить подробнее, вместе с секретарями и чиновниками, но с теми, кто допущен к королевским делам и хорошо оплачивается. Мне еще надо поговорить с тобой о регентстве, которое будет предоставлено тебе, когда я поеду в Бордо на празднование Нового года, и плед⁴² с Алиенорой. Ты будешь меня здесь представлять. Прикажи записать инструкции, которые я тебе оставлю. Собери достаточное количество прево.

– Десяток?

– Маленькие местные сеньоры считают себя независимыми, объявляя, что они сеньоры волей Божьей. Они сводят на нет все усилия, уничтожают власть, завоевания, победы... Все исчезает, если перед тобой предатель, Томас. Семьи Краон и Мартине всегда были верными

---

⁴¹ Диоцез (*лат.* *diocesis*) – церковно-административная территориальная единица в католической церкви, во главе которой стоит епископ или архиепископ.

⁴² Плед – совещание приближенных короля, на котором принимаются и судебные решения.

моей семье. Помни об этом... Никогда не забывай также, что Анже принадлежит мне, вместе со всеми окрестностями. Шатонеф в Сарте, Сомюр, Боже. Над всем этим с высоты своих башен господствует Шинон. Твоей и Господней милостью, потому что ты моя правая рука, старый приятель, и мы будем идти по этому пути вместе⁴³.

Мы создадим карты, на которых все будет указано. Мы принимаемся за работу римлян. А что касается Тура, города доброго святого Мартина, тебе рекомендую быть особенно бдительным с его архиепископом, потому что он спит и видит только французского короля, Людовика VII, «монаха».

– Очень хорошо, мы вернемся к этому вопросу, как только приедем домой, – сказал Томас. – Время идет, и близится ночь.

– Не забывай никогда то, что я тебе доверил: архиепископ Турский предан только королю Франции. В своих молитвах поручай Богу моих сыновей и маленькую Матильду, которая только что родилась в монастыре Сен-Мартен.

---

⁴³ *Jaques Boussard. Le Gouvernement d'Henri II. Op. cit. P. 99—103 (Les Etats patrimoniaux d'Henri II).*

Глава 8

Перед Новым, 1156 годом, Пуатье

В конце ноября 1156 года Пуатье был для Алиеноры только этапом. Город ждал свою герцогиню и был прекрасно осведомлен о том, что произошло со времени тех волшебных дней ее замужества с Генрихом. Счастливая, сияющая, верящая только в добро, желающая совершать только добрые поступки герцогиня – этого город не забыл. Алиенора – луч солнца, и жители Пуату ее любят. Они счастливы, что она забыла свои обиды при дворе Франции и произвела на свет двух сыновей и дочь. Такая плодовитость им льстит. Подданные спешат Алиенору увидеть и проявить свою любовь, узнав, что ее первенец, маленький Гийом, умер, сраженный лихорадкой.

Генрих, заставивший баронов признать этого ребенка своим будущим преемником на английском троне, тотчас же заставил на его место назначить второго сына. Разочарованный, но не потерявший уверенности, король на время уехал от семьи, размышляя о том, что предпочел бы, чтобы его сын был жив, а присутствовать при рождении дочери он не хотел. Тогда еще Генрих не мог предугадать, что она станет его любимицей.

Алиенора же испытывала совсем другие чувства, она страдала от потери маленького Гийома. Дочь его не заменит, но она хочет любить всех своих детей и бороться против младенческой смерти. Во время переездов, а также в замке предпринимались все меры предосторожности, чтобы уберечь детей. Ее дорогого Гийома больше нет, и королева не так охотно улыбалась маленькой Матильде, которая была очень похожа на мать. Алиенору бранила старая кормилица, привязавшаяся к малышке: «Она как две капли воды похожа на вас в детстве, Алиенора!»

Жители Пуатье узнали, что король Генрих Плантагенет очарован новым канцлером Томасом Беккетом до такой степени, что стал даже пренебрегать супругой. Все, что шло из Англии, им не нравилось. Они опасались враждебности по отношению к своей герцогине и к себе. Со дня траура Алиенора не видела супруга и знала, что он готовит некие переговоры с Людовиком Французским, ни слова не сказав ей.

Если Людовик будет слишком открыто поддерживать Жоффруа Плантагенета в стремлении стать владельцем Анжу, Генрих II перестанет приносить ему вассальную присягу за свои континентальные владения, опираясь на тот факт, что Папа Адриан освободил его от клятвы уступить Анжу брату, данной отцу на смертном одре. В конце концов Людовик капитулировал. Алиенору это не удивило: она знала, что сопротивляться Генриху бесполезно. Ей неизвестно, заедет ли Генрих в Пуату или продолжит свою поездку в Бордо один. Они рассчитывали встретить там Новый год в семейном кругу и собрать плед. Генрих непредсказуем: он повинуется своим порывам, будит среди ночи своих людей и советников, если ему надо; спит под открытым небом, на краю дороги, если чувствует себя без сил. Он загоняет всех лошадей; Алиенора жалеет бедных животных, покрытых пеной, которые падают как подкошенные. Когда она сопровождает короля – что происходит все реже, – то заботится о сменных лошадях для своей прекрасной белой кобылы, которую хочет пощадить. Генрих же во время своих отчаянных скачек меняет лошадей как перчатки. В конце концов Алиенора стала опасаться, что он больше ни к чему и ни к кому не испытывает привязанности. Им движут только собственные амбиции. Конечно, аквитанцы не одобряли, что Генрих будет приносить присягу на их земле. Они предпочли бы, чтобы церемонию принятия титула герцога провела бы их Алиенора.

Итак, в Пуатье она недавно принимала визит Жоффруа дю Лору, бывшего настоятеля монастыря в Фонтен-ле-Конт, теперешнего архиепископа Бордо, который пытается добиться возобновления льгот, предоставленных его церкви герцогом Гийомом, отцом Алиеноры. Генрих появился как раз во время новой встречи, которую Алиенора предоставила Жоффруа.

«Видно, этому королю Англии служат хорошие шпионы», – подумал Жоффруа дю Лору, увидев, как тот внезапно возник на пороге во время разговора дю Лору с Алиенорой. Бывший настоятель поднимается из вежливости и после низкого поклона тому, кто стал герцогом Аквитании, направляется к выходу, поклонившись Алиеноре. Она же, счастливая от встречи с супругом, тем не менее, удерживает гостя. Боится ли она Генриха? Хочет ли доказать, что умеет проводить совет и не дает себя прервать, будучи хозяйкой своего герцогства? Лору не знает, что делать, Генрих его удерживает, желая узнать, что происходит.

– Пусть мой приезд никак не нарушит вашу беседу, если я смогу на ней присутствовать.

Но его вид противоречил словам! Алиенора и Жоффруа пытаются помочь королю побороть смущение. Генрих всегда замечает между аквитанцами своего рода сообщничество – будь то чиновники или духовные лица, – когда они оказываются перед чужаком, даже если это принц, который будет ими править. Это его очень злит, но и толкает на принятие решения: никогда не вводить аквитанцев в свой совет, никогда не доверять им правительственные задачи. Он обещает себе обмануть этих нахальных и непослушных аквитанцев либо с помощью союзов, которые он решит заключить, либо назначением на высшие должности людей из Анжу, Англии или Нормандии, которые смогут держать их в узде. Однако свои мысли он хранит при себе.

Алиенора чувствует, что супруг готов ей противоречить. Она спешит, несмотря на все разногласия, которые их разделяют, завоевать его снова. Королева не из тех женщин, которые отказываются принять вызов, а этот она принять в состоянии. Материнство ее украсило, Алиенора это знает и чувствует, что в своем Пуату она любима, окружена двором обожателей, которые делают ее желанной.

– Отец мой, – говорит Алиенора, – вы получите свои льготы. Генрих, который здесь присутствует, не будет препятствовать, по крайней мере, я так думаю.

Внезапно ее взгляд заискрился лукавством: она прочла на лице Генриха, что он намерен отвечать сам, хотя и невежливо противоречить своей герцогине. Вот настоящий вызов. Однако к Генриху очень быстро возвращается хладнокровие. Та, которую он так часто унижал в Англии, еще будет артачиться? Алиенора решает показать супругу, как ее уважают здесь, даже если она просто жена. Но для Генриха государственные соображения – это абсолютная власть, и жены не имеют никакого отношения к делам. Его мать и жена могут быть полезны, только когда покорны ему.

Таким образом, он здесь присутствует словно на спектакле, обещая себе покончить с инициативами жены, как только они останутся одни. Но королева предлагает Жоффруа дю Лору – способ отомстить за вездесущность Томаса Беккета – поехать с ними в Сен-Савен. Архиепископ чувствует печаль в голосе этой женщины, призыв о помощи. Он знает, как сильно она переживает смерть своего трехлетнего ребенка, и не может ей отказать. Генрих, у которого вовсе не усталый вид, решает, что лучше сопровождать супругу самому, нежели видеть, как она плетет интриги с прелатом из Пуату, который, как и английские прелаты, ценит свои льготы и умеет всего добиться от женщин, исповедуя их и давая советы. Плантагенет позволяет себе вкратце рассказать историю аквитанского духовенства, мысленно отметив, насколько любимая поговорка покойного отца засела в его сознании. «Обычай и нравы одной провинции не обязательно применимы к другой», – не устал повторять Жоффруа Анжуйский.

По дороге в Сен-Савен, разместившись втроем в своего рода сундуке на колесах, обитом изнутри, запряженном хорошими лошадьми, Генрих без перерыва расспрашивает Жоффруа. Церковник не дает себя обескуражить этому молодому кондотьеру⁴⁴, моментально завладевшему виконтством Туар, городом Лиможем, где с наслаждением разрушил фортификационные сооружения, и который намерен играть поборника справедливости вплоть до Гаскони. Архи-

---

⁴⁴ Здесь в переносном значении – человек, ради выгоды готовый на все. – *Прим. пер.*

епископ молит Бога дать ему смелости противостоять этому человеку, в большей степени полководцу, чем человеку долга и чести.

– Я думаю, вам известно, – говорит он Генриху, – что знаменитый римский декрет от 13 апреля 1059 года является важной вехой в жизни нашей Церкви! Ваши герцоги приняли его к сведению. Этот декрет лишал императора всякой власти во время выборов Папы, и кардиналы были единственными, кто принимал участие в этом процессе. Воля вернуть Церковь ее слугам была проявлена в Аквитании, и у нашего герцога (он бросил взгляд на Алиенору) хватило мудрости подписать конвенцию, лишаящую его права назначать епископов в Лиможе.

– В самом деле? – ответил Генрих. – Я приветствую покорность ваших герцогов, но была ли она эффективной?

Он выдержал паузу, которая становилась гнетущей, потому что этот намек на покорность герцогов Аквитанских по отношению к духовенству прозвучал довольно иронично. Всем было известно о конфликтах с Церковью, в которые вступал дед Алиеноры Гийом IX. Затем Генрих назидательно продолжил:

– Если герцоги Аквитанские были покорными, то император Фридрих Барбаросса, как только сел на трон, кажется, не слишком-то обращал внимание на этот декрет. Вы думаете, что он мог одобрить заявление Папы Адриана, в котором утверждалось бы, что его империя является ленным владением римской Церкви? Если Церковь царствует над умами, император рассчитывает на мечи франков, чтобы победить романизацию своих владений. Разве это смешно? И тем не менее, чтобы его унять, отовсюду посыпались советы, в том числе и от святой женщины Хильдегарды из Бингена. Увы! Ничего не помогло!

Алиенора промолчала, услышав имя той, к пророчествам которой сам Барбаросса был чувствителен. Хильдегарда сурово осудила Алиенору во время ее развода: «Ты посмотришь вокруг короля, но не найдешь мира. Уйди от всего этого! Останься верной Богу и людям!»⁴⁵

– Успокойтесь, отец мой, – продолжал Генрих, – я не император Фридрих Барбаросса, но король, которому необходим разум, чтобы править и восстановить обескровленное королевство.

– В течение всего XI века, – перебивает Жоффруа, не отвечая королю прямо, – мы присутствовали здесь при беспримерном религиозном порыве. Почти повсюду вера торжествовала. На место хаоса пришел труд, уважение Господа и порядка. Аббатства соперничали между собой в рвении. Вот что надо нашей Церкви. Очистительный порыв и отказ от жестоких нравов, корыстолюбия, лени, роскоши, а также скупости.

Вмешалась Алиенора:

– Расскажите нам, дорогой отец, об этих приходах, которые возникают и возрождаются под строгим надзором тамплиеров. Их много, и они процветают, кажется, на плато Миллеваш и по соседству с Бугранефом.

– С опасностью для своей жизни, – ответил Жоффруа, – эти люди заставляют уважать Церковь Христа на Востоке и защищают его могилу. Однако герцогиня не упомянула наши крупные аббатства, большинство из них восстали из руин после разграбления Нормандии. С X века появляются замечательные аббатства Троицы, в Пуатье и в Миллезе, и, конечно, большой монастырь герцогов Монтьернеф⁴⁶, заложенный клюнийцами. Это старое бенедиктинское аббатство Сен-Савен, без сомнения, самое волнующее, потому что паломники приходят сюда издалека, чтобы учиться, а художники, которые сотворили фрески, выполнили наше желание: приобщить верующих к истории Христа и Сотворения мира. Потому что все наши веру-

---

⁴⁵ Письма Хильдегарды из Бингена. См.: The Letters of Hildeard of Bingen, trad. J. L. Baird, R. K. Ehrmann, 3 vol., Oxford/New York, Oxford University Press, 1994–2004.

⁴⁶ См.: P. Boissonade. Histoire de Poitou. Paris, Boivin, 1926. P. 62.

ющие не умеют читать. Но скажите мне, сир, вы совсем недавно крестили еще одну маленькую христианку, маленькую Матильду?

– У меня едва было время увидеть ее хотя бы мельком, прежде чем присоединиться к моей супруге и к вам, – сказал Генрих. – Но рассчитываю, что буду часто ее видеть.

У Алиеноры были нехорошие предчувствия касательно первой встречи Генриха с их маленькой дочерью, после смерти старшего сына. Было ли это связано с воспоминанием о рождении первых дочерей, нахлынувшим на Алиенору, рождении, которое можно сравнить с божьим наказанием, а не с праздником? Казалось, она страшилась осуждения Плантагенета, как прежде Людовика VII.

Жоффруа дю Лору, который был в курсе всех перипетий распада пары Алиеноры и Людовика VII, констатировал, что последние слова Генриха оказали на нее благоприятное действие. Он молил Бога уберечь эту пару от всех опасностей супружеской жизни. Успокоенные, все трое подъезжали к Сен-Савену. Своим названием аббатство было обязано некоему Сабинасу, пришедшему из знаменитого аббатства в Лигюже в VIII веке⁴⁷. В церкви раздавалось мелодичное пение, чистые голоса достигали нефа.

Переступив порог, они были ослеплены ярким светом в церкви и поражены удивительно слаженным пением. Вверху над кафедрой – восхитительная фреска: казалось, сам Христос, со строгим лицом и величественной фигурой, приветствовал их. В ней смешались Восток и Запад. Различные виды растений соседствовали друг с другом. Зонтичные сосны и древовидные папоротники, орешники и деревья, из которых добывали ладан; мирское и божественное перемешалось в праздничной путанице.

На хорах Алиенора узнала работу замечательного мастера, который учил молодых художников изображать фигуры в римской манере: их одежды напоминали драпировку античных статуй. Три доминирующих цвета фресок⁴⁸ – коричневый, желтый и светло-зеленый – словно играют различными оттенками в свете яркого и такого недолгого декабрьского солнца. Под купол храма уходят фрески замечательной работы. Алиенора останавливается в четвертом пролете под фреской, изображающей двери рая, и долго рассматривает портрет праматери Евы, сидящей на поросшем травой бугорке. Ева как будто находится вне времени. Она размышляет. Мощное веретено как доказательство того, что на ее долю выпал тяжелый труд, отягчающий ноги, огрубляющий кожу рук, а под складками одежды угадывается живот женщины, которой предстоит рожать в муках. К счастью, жизнь торжествует, и род человеческий продолжается. Алиенора чувствует себя ничтожной перед этой божественной фреской.

Генрих же направляется под своды нефа, к самому крайнему пролету, привлеченный семейством Ноя, выходящим из ковчега. Он видит в этом фрагменте символ будущего своего королевства. Виноградарь Ной ему нравится. Алиенора и Генрих оказываются в центре церкви и, будучи суеверными, почти бегут от фрески, изображающей Каина и Авеля. Прежде чем войти вслед за Жоффруа в крипту, они задерживаются рядом с молодым художником, воскрешающим краски на стволе колонны. Все краски получены из настоев растений. Каждый цвет по-своему символичен, но свой рецепт получения красок художники держат в секрете.

⁴⁷ Первый монастырь был воздвигнут на месте римских укреплений и признан еще Карлом Великим. Постепенно в ходе веков он преобразился. Сожженный норманнами, монастырь был восстановлен около 935 г. графом Раймондом I Бигоррским, который освободил аббатство от оплаты и даровал ему владения, так называемый пасхалий Сен-Савена: деревни, жителям которых вменялась «пасхальная» обязанность, обслуживались приходом. Это были Сен-Савен (Сен-Сави), Кастет, Ло Баланьяс, Адст, Несталь, Судом и Ус. Аббатство было передано монахам из монастыря Сен-Вик – тор в Марселе. Начиная с XI в. аббатство процветало, что превратило его в жемчужину Пуату.

⁴⁸ *Itsuj Yoshikawa. Peintures de l'église de Saint-Savin-sur-Gartempe. Tokyo, Shinchsha Company, 1982. 430 p.* (текст на японском языке, сопровождается 32-страничным выпуском на французском языке). Автор представил свою докторскую диссертацию на филологическом факультете Парижского университета в 1939 г.: *L'Apocalypse du Saint-Saven, Paris, Les éditions d'art et d'Histoire, 1939. 177 p.*

Воспользовавшись отсутствием Жоффруа, который остался в крипте⁴⁹, Генрих берет свою супругу за талию и, укрывшись за колонной, обнимает ее совсем как раньше. Конец тайной войне, соперничеству гордости, ревности, необходимости соблюдать этикет. Конец стычкам, вспышкам гнева, плохому настроению. К Алиеноре возвращается ничем не омраченное счастье. Генрих снова становится необузданным пылким рыцарем. Возможно ли, что он будет любить ее так же страстно, как и в первые дни супружества? Она все еще верит в это и, закрыв глаза, протягивает руки в горячей молитве.

– У вас получилась замечательная маленькая девочка, которая мне очень нравится, но у вас троих – моей матери, моей жены и моей дочери – едва ли хватит сил, чтобы дать мне отпор, – шутит он.

Когда Жоффруа поднимается из крипты и видит молодые, сияющие лица короля и королевы, ему очень хочется защитить счастливую пару от безумия власти, этой страшной болезни, пожирающей великих мира сего.

---

⁴⁹ Крипта (*гр.* Кругте) – в средневековой западноевропейской архитектуре – часовня под храмом, служившая для погребения. – *Прим. пер.*

Глава 9

Праздник Рождества в Бордо

Рождественский праздник в Бордо обещает быть хорошим. Однако мнения об Алиеноре и Генрихе разделились! Некоторые приветствуют прибытие пары доброжелательно, число прошений, подаваемых им, все растет. Генрих весьма ценит Аквитанию. Он женился на самой прекрасной женщине, главное, наследнице этих земель. Став королем Англии, он может повысить цену на это так называемое гасконское вино, которое будет экспортировать в Англию. Кораблей с большим водоизмещением становится все больше, как и барж, соединяющих Жиронду с пристанями⁵⁰ города.

Более пессимистически настроенные жители Бордо видят вещи в мрачном свете. Они знают Плантагенетов и их аппетиты, прекрасно понимая, что для того, чтобы новый герцог отдал предпочтение винам Гаскони, а не винам Пуату и Анжу, нужно сразу же раскошелиться. Горе Бордо, если Плантагенету не будет оказано гостеприимство, которого он требует. Тогда, как и в Лиможе, он снесет с лица земли фортификационные постройки города, потом вытащит из своего капюшона какого-нибудь анжуйца или англо-нормандца и поручит тому править от имени короля. Он установит свою дисциплину. Осторожно, brave парни из Бордо, берегитесь нового короля Англии! Он выберет вина архиепископа Жоффруа, если захочет, однако уже поговаривают, что плевать хотел Плантагенет на город Бордо, что его взгляд упал на Онис – конечно же из-за соли, – и теперь он собирается крошечный порт Ла-Рошель превратить в порт по своим меркам. Вот о чем шепчутся приближенные короля. Генрих не любит Бордо, и ему не нравится, что его принимают во дворце Омбриер, где происходила первая свадьба Алиеноры с Людовиком Капетингом.

Стремление воспеть Алиенору подхватывают молодые, и старики чувствуют себя покинутыми молодежью Бордо. Она готовит город к празднованию Рождества. Дворец украшен яркими разноцветными флагами, на ветру хлопают орифламмы⁵¹. Горожан просят собрать мусор у своих домов, но не выбрасывать его в тоненький ручей, бегущий через город. А у выхода из рынка стада гусей и уток, сбегавшие из-под навеса, переваливаясь, бродят по улицам. В ночь под Рождество они получают благословение, как и другие птицы и животные. Перед церковью уже распространяется заманчивый запах разогретого меда, приводящий в восторг детишек, которые в день Епифании будут торговать яблоками в меду, сухофруктами и зарабатывают множество мелких монет. Бордо представит прекрасные, самые свежие плоды своих садов и огородов – последние, которые успели вызреть до холодов: капусту, морковь и сушеные фрукты. Без сомнения, будут опорожнены огромные пеньковые мешки с орехами для приготовления новогодних пирогов. Ожидают детей Алиеноры, которые, безусловно, внесут свежую струю в жизнь города. Все желают заставить герцогиню забыть недавний траур, и женщины молятся за свою герцогиню и за себя.

Однако Алиенора и Генрих не спешат въехать в город. Они пока далеко от него. Как всегда, Генрих любознателен и расспрашивает о том, что характерно для местности, по которой они едут. Выхав из влажных лесов в окрестности Пуатье, к югу, королевская чета видит, как крестьяне строят свою деревню. Быки под ярмом тянут за собой плуги с мощным лемехом, а рядом крепкие приземистые мужчины ударами пик и ломов корчуют пни поваленных деревьев. Все торопятся поскорее закончить дела. С четырех сторон будущей деревни уже возве-

---

⁵⁰ Пристани еще строились.

⁵¹ Орифламма (*фр.* oriflamme; *лат.* aurum, золото, + flamma, пламя) – 1) в средневековой Франции – штандарт, знамя короля; 2) большой флаг, подвешенный на веревке, протянутой поперек улицы между домами. – *Прим. пер.*

дены круглые прочные хижины, и теперь их покрывали известью; веселые костры внутри домов согревали работников, которые не теряли времени зря: на треножниках варилась похлебка из свинины с овощами. Генрих справился о новых хартиях относительно жилища, согласно которым строились эти новые деревни. Его интересовало все, и Алиенора ценила это любопытство.

Чтобы не заоченеть от холода, они разогрелись у мощных костров угольщиков и снова пустились в путь, положившись на выносливость своих лошадей и предоставив свите следовать за ними, и оказались на широких просторах степей, раскинувшихся на подступах к Гаронне. Однако постепенно прерия уступила место виноградникам – плодам трудов монахов и послушников, расчистивших площади и в течение веков дренировавших песчаную почву с помощью искусной системы ирригации, построенной сначала для выращивания фруктов, а потом винограда.

– Здесь от самого бедного и убого до самого могущественного, – говорила Алиенора своему супругу, – все выращивают виноград. Говорят, что первые черенки были завезены сюда греками. А римлянам лучше всего удавалось размножение черенками дикой лозы⁵².

В морозном декабрьском воздухе смех и разговор Генриха и Алиеноры создавали вокруг них облачка пара, но они молоды и крепки, и холод не вызывает у них недовольства.

– У нас, – продолжает Алиенора, – еще празднуют Дионисии во время сбора урожая винограда. Красивые молодые девушки носят венки, сплетенные из плюща. Когда виноград убран и уложен на повозки сборщиками урожая, красивый юноша, переодетый в молодого сатира, гоняется за этими вакханками по винограднику, выбирая избранницу своего сердца.

– Вы меня пригласите на сбор урожая, моя дорогая? Вы же переодевались в нимфу в годы безумной молодости? И будучи молодой, уже были замужем за мрачным французским двором!

– Я никогда не переодевалась в вакханку, мой дорогой Генрих. Но я дегустировала критское вино при дворе императора Мануила Комнина в Константинополе. Он нас сильно напоил, и я увидела там, среди звезд, созвездие Диониса.

– У нас в Анжу, – продолжает Генрих, – тоже устраивают охоту за девушками. Хотя вместо Диониса выступает добрый святой Винсент. Вдоль рядов винограда сажают розовые кусты, которые благоухают в мае. К вашим услугам, моя дорогая.

Белая кобыла Алиеноры трется о гнедого красавца-жеребца. Генрих с любовью обнимает супругу. Они едут бок о бок, медленно проезжают виноградники, совершая смотр, словно это передовой отряд перед битвой.

– Вы видите, Генрих, у бордосцев нет ни роз на шапках, ни ветки ракитника (она гладит рыжую гриву своего супруга нежным и красноречивым жестом), но у них есть ивовые побеги, гибкие, с такими мягкими ветками, что их используют как опоры для усиков лозы.

– Наши две страны созданы, чтобы понимать друг друга. Я буду их главой. Но, скажите, много ли денег приносят эти виноградники вашим архиепископам?

---

⁵² *Vitis vinifera* или *praevinifera*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.